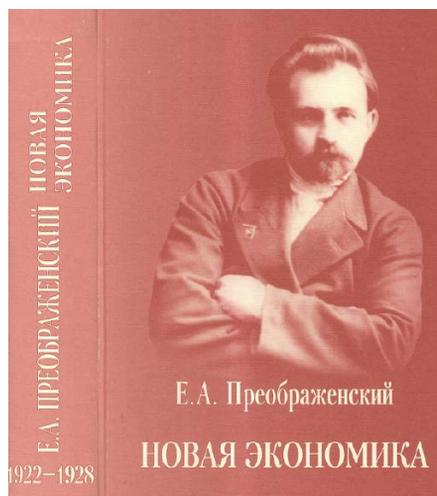

Е.А. Преображенский

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

(теория и практика)

1922-1928 гг.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ В СИСТЕМЕ СССР* 1927

Об экономике военного коммунизма

Прежде чем перейти прямо к советской экономике сегодняшнего дня и использовать для анализа равновесия в этой экономике все то, что было выше сказано о воспроизводстве при конкретном капитализме, мы скажем несколько слов о периоде так называемого военного коммунизма. У нас часто недооценивают того наследства, которое период нэпа получил от военного коммунизма в области взаимоотношений между государственным и частным хозяйством. Будет нелишним поэтому восстановить истинные пропорции тех изменений, которые были внесены во взаимоотношения частного и государственного хозяйства переходом к новой экономической политике.

Наиболее характерной чертой периода военного коммунизма в сфере взаимоотношений между государственным сектором хозяйства и частным было, если можно так выразиться, экономически раздельное существование между мелким производством, преимущественно крестьянским производством, и между государственным хозяйством. Между этими двумя секторами не существовало правильного рыночного обмена, хотя, вообще говоря, нелегальный и полуполюгальный рынок продолжал существовать на протяжении всего периода военного коммунизма. Тот же обмен веществ, который существовал в форме разверстки, с одной стороны, и наркомпродовского снабжения деревни продуктами городского производства – с другой, носил совершенно специфический характер. Этот специфический характер взаимоотношений города с деревней, поскольку они регламентировались государством, вытекал из общих политических и хозяйственных условий периода военного коммунизма, когда основной целью всего производства и распределения (целью, навязанной мелкому производству деревни извне) было не расширенное воспроизводство в государственном и частном секторе, а производство максимального количества предметов потребления для армии, городского пролетариата и деревенской бедноты, а также производство орудия обороны, без всяких забот об амортизации. Не меньшую роль играло в хозяйстве плановое распределение старых запасов, распределение, также подчиненное задачам обороны, а не задачам расширенного воспроизводства. Это было хозяйство осажденного города, которое преследовало цель продержаться максимально долгий срок и выиграть войну, а не цель нормального воспроизводства в хозяйстве. Взятое независимо от типа производственных отношений, наше хозяйство периода

* Опубликовано в журнале «Вестник Коммунистической академии» № 22 за 1927 г. Печаталась в дискуссионном порядке.

военного коммунизма было снижающимся воспроизводством: это сближает его со снижающимся капиталистическим производством Европы периода мировой войны и после мировой войны, о чем у нас шла речь выше. Но у нас, если брать государственный сектор, было снижающееся воспроизводство в экономике *социалистического типа*. И в этом все своеобразие этого этапа нашей хозяйственной истории.

Можно ли эту экономику снижающегося воспроизводства и возрастающего разрыва между государственным и частным хозяйством иллюстрировать со стороны обмена такими же арифметическими схемами, как мы это делали при анализе капиталистического и мелкобуржуазного воспроизводства?

Такая иллюстрация, принципиально говоря, невозможна. Мы должны помнить, что ведь в данном случае дело идет отнюдь не об иллюстрации процесса воспроизводства товарно-капиталистического общества, где все процессы подчинены закону ценности, а об обмене веществ, в основе которого лежали *иные закономерности*, прежде всего потребности обороны, при полной ликвидации какой бы то ни было эквивалентности как при размене общей суммы предметов потребления деревни на продукцию города, так и при распределении внутри деревни того, что получалось из города по планам наркомпродовского снабжения. Для иллюстрации воспроизводства в экономике этого типа Марковские схемы не годятся: Маркс иллюстрировал своими арифметическими примерами условия равновесия ценностного обмена при чисто капиталистическом воспроизводстве; эти схемы не годятся, когда хозяйство натурализуется, перестает быть денежным в значительной мере, когда на сцену выступает не равновесие обмена ценностей, а пропорциональность в распределении материальных элементов производства в натуральном виде, когда ценностные измерения начинают заменяться измерениями рабочим временем или суррогатами этого измерения, когда, наконец, производство подчинено не задачам накопления и даже не задачам простого воспроизводства, а задаче сознательного проедания постоянного капитала, превращаемого в предметы потребления и обороны. Поэтому научный анализ конкретной экономики военного коммунизма нельзя сделать в ценностных категориях. А в то же время мы знаем, что наше хозяйство периода военного коммунизма вследствие крайней непродолжительности своего существования не успело выработать органически присущих ему методов учета, т.е. учета натуральных элементов хозяйства и средств потребления, сводимых в последнем счете к трудовым затратам, т.е. рационально измеряемых рабочим временем, т.е. измеряемых социалистически. В период военного коммунизма мы пользовались суррогатами социалистического учета, как довоенные рубли, товарные рубли, хлебные и иные пайки (формы натурального учета), исходили из количественного учета продукции промышленности, из количественного учета получаемой по разверстке крестьянской продукции и т.д., причем это натуральное измерение не было параллельным ценностному, как теперь, а составляло базу всех расчетов. Если бы мы смогли хотя бы приблизительно воспроизвести баланс народного хозяйства Советской России за каждый год военного коммунизма, т.е. отчасти за 1918 г., а главным образом за 1919 и 1920 гг., то эти годовые балансы не оказались бы балансами воспроизводства. Мы установили бы тогда следующие основные экономические факты:

1. Вследствие полной ликвидации капиталистического производства и капиталистической торговли в хозяйстве существовало только два сектора: сектор государственного хозяйства и сектор мелкого производства, в значительной степени потерявший характер *товарного* производства вследствие натурализации крестьянского хозяйства и упадка ремесла и кустарной промышленности.

2. Основной капитал государственного сектора в той его части, которая растрчивалась за каждый год военного коммунизма, возобновлялся только в очень небольшом проценте, следовательно, происходила систематическая его растрата. Потребительский

характер всего производства в государственном хозяйстве находил свое выражение в том, что не восстанавливаемый основной капитал легкой промышленности, принимавший в результате производства вещественную форму предметов потребления, увеличивал размеры производства средств потребления за счет воспроизводства износа. Вследствие этого соотношение между той частью постоянного капитала второго подразделения, которая состояла из основного капитала, и между размерами натурального воспроизводства этой части *с II* в первом подразделении было в корне нарушено в сравнении с производственными пропорциями не только расширенного, но даже простого или медленно снижающегося воспроизводства. С другой стороны, та часть средств производства мелкого хозяйства, которая вырабатывалась раньше в первом подразделении капиталистического сектора (или импортировалась), теперь также растрачивалась без возмещения в первом подразделении государственного сектора. Наконец, средства производства первого подразделения госсектора, состоящие из основного капитала, не возмещались в самом этом секторе, поскольку изнашивались на выработку предметов обороны, включая сюда военные перевозки транспорта, т.е. проглатывались непроизводительным военным потреблением. Все это означало паралич прежде всего тяжелой промышленности, работающей для возмещения основного капитала *с II* государственного и частного сектора.

3. Та часть постоянного капитала государственного сектора, которая состояла из топлива, импортного сырья или сырья крестьянского производства, не могла быть воспроизведена в нужной пропорции вследствие потери на длительные сроки основных топливных районов (Донбасс, Баку), блокады, сокращения производства технических культур в крестьянском хозяйстве, при увеличении в деревне собственной переработки этого сырья.

4. Что касается обмена веществ между городом и деревней, то здесь самый важный факт, объясняющий неизбежность существования всей системы военного коммунизма, заключался в следующем: если бы даже между городом и деревней существовал обычный рыночный обмен, то крестьянское хозяйство при снижении общего производства его до 50% довоенного не могло бы дать городу в порядке обмена то количество предметов потребления, то количество промышленного сырья и то количество труда в натуральной форме (гужевого транспорт и т.д.), которые были нужны государству в период Гражданской войны. И, наоборот, если бы все эти количества ценностей деревни могла бы дать в порядке обычного рыночного обмена, то государственное производство, принимая во внимание минимальные размеры его продукции и огромные размеры непроизводительного потребления, вызванного войной, объективно не было бы в состоянии возместить получаемую им от крестьянства продукцию в порядке даже весьма неэквивалентного обмена, даже при наличии весьма высокого денежного налога на деревню. Это с совершенной очевидностью вытекает из учета всего производства средств потребления в государственной промышленности, если сделать этот учет в довоенных рублях, принять во внимание потребление города и фронта и сравнить возможный обменный излишек с ценностью в довоенных рублях всего того, что получалось от деревни в порядке разверстки. Если в первом году военного коммунизма несоответствие еще не так велико, поскольку советское правительство еще располагало старыми, дореволюционными запасами, то уже 1920 г., наиболее типичный год военного коммунизма, дает огромное превышение крестьянских отдач городу над крестьянскими получениями от города. Это доказывает, что отношения рыночного обмена вообще были невозможны в этот период между государственным хозяйством и мелким производством. Военно-потребительский характер экономики этого периода находил свое выражение и в том, что получавшиеся деревней в порядке планового снабжения продукты промышленности распределялись среди крестьянства комитетами бедноты особым образом: больше полу-

чали не те слои деревни, которые больше давали государству по разверстке, а как раз наоборот, снабжались прежде всего слои беднейшего крестьянства, которые, ничего не давая материально государству, оказывали ему политическую и военную поддержку в Гражданской войне. Распределение городской продукции было, следовательно, вдвойне неэквивалентным: и со стороны количества, которое шло в деревню против того, что получалось из деревни, и в смысле принципа, на основе которого осуществлялось распределение внутри деревни. Коррективом к этому классовому распределению, не подчиненному задаче воспроизводства в крестьянском хозяйстве, служил нелегальный обмен между городом и деревней в форме знаменитого «мешочничества». Здесь деревня отчасти брала реванш за навязанную ей городом систему распределения и покупала за бесценок, в обмен на хлеб, картошку и другие продукты питания, мануфактуру, одежду, мебель и прочие запасы города от старых лет.

Противоречие между городом и деревней возрастало. В форме крестьянских восстаний конца 1920 и начала 1921 г. деревня поставила в порядок дня вопрос о приспособлении системы обмена в советском хозяйстве к условиям товарного производства в земледелии. Это приспособление было осуществлено переходом на новую экономическую политику. Но для перехода к новой экономической политике имелись причины, лежавшие в самом государственном хозяйстве, поскольку оно переходило к мирному периоду своего существования. Переход государственного хозяйства от снижающегося воспроизводства военного периода к расширенному социалистическому воспроизводству мирного времени требовал изменения в крестьянской стране взаимоотношений между пролетарской промышленностью и крестьянским хозяйством, требовал рыночной системы обмена, стимулирования производства крестьянского сырья, необходимого для госпромышленности, роста экспорта и т.д. Не надо только при этом смешивать изменения в методах управления государственным хозяйством, которые вызывались необходимостью выжать все, что могло быть пригодно, из привычных капиталистических способов учета, калькуляций и т.д. на первых этапах социалистического строительства и в интересах самого государственного хозяйства на данном уровне социалистической культуры, с теми изменениями в экономике страны, которые навязывались государственному хозяйству преобладанием в стране мелкого товарного производства. Если бы дело шло о первых годах или о первом десятилетии социалистического строительства в такой стране, как, например, современная Германия, то общие условия развития социалистической экономики могли бы и здесь, быть может, требовать сохранения рыночной системы обмена, пока не нащупаны на опыте методы распределения, свойственные социалистической форме производства. И здесь, возможно, была бы оставлена не только мелкая, но, может быть, и средняя торговля, оперирующая на стыке государственного хозяйства с незначительным по удельному весу частным хозяйством. Но здесь не было бы условий для развития товарных отношений, для развития частного капитала в разных видах. Между тем в СССР такое развитие, особенно в земледелии, есть неизбежный факт, навязываемый экономике страны огромным удельным весом мелкого товарного производства и сравнительной слабостью государственного сектора. Этот факт ставит государственное хозяйство в условия непрерывной экономической войны с тенденциями капиталистического развития, с тенденциями к капиталистической реставрации, поддерживаемыми извне давлением на наше хозяйство со стороны мирового капиталистического рынка. Поэтому наша экономическая система не может обладать той внутренней устойчивостью, которая характеризовала страны молодого капитализма, разложившего феодальные отношения и подчинившего себе мелкое товарное производство. Это единообразие социалистических элементов хозяйства с капиталистическим, опирающимся на массив мелкого товарного производства, приводит к дуализму и в сфере регулирования, а значит, к специфическим условиям равновесия во всей системе.

Предварительные замечания

Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частнокапиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последних сектора представляют из себя объединенный круг всего частного хозяйства вообще, а отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора.

Другая особенность, а вместе с тем трудность исследования заключается в том, что, поскольку равновесие в системе достигается не на основе закона ценности и эквивалентного обмена, а на основе столкновения первого закона с законом первоначального социалистического накопления, постольку при анализе равновесия нам нельзя исходить из Марксовой предпосылки о том, что, как правило, товары продаются по их ценности. Во втором томе «Капитала» Маркс при самой постановке вопроса об анализе воспроизводства делает в связи с этим следующую оговорку: «...Далее предполагается, что не только продукты обмениваются по их ценности, но что также никакой революции не происходит и в ценности (*keine Werthrevolution*) составных частей производительного капитала. Впрочем, поскольку цены отклоняются от ценностей, это обстоятельство не может оказать никакого влияния на движение общественного капитала. Теперь, как и раньше, обмениваются в целом те же массы продуктов, хотя отдельные капиталисты не получают теперь массы ценностей, которые уже непропорциональны ни их соответствующим авансированиям, ни произведенным каждым из них индивидуально массам прибавочной ценности»¹.

Как мы уже указывали выше, эта предпосылка Маркса является вполне правильной при анализе равновесия капиталистической экономики. Наоборот, при анализе воспроизводства в нашей системе мы исходим из отклонения цен от ценностей, как из правила, если сравнивать наши внутренние цены с мировыми. Особенность нашей экономики периода первоначального социалистического накопления, с точки зрения равновесия, как раз и заключается в отсутствии эквивалентного обмена, к которому, как к господствующей тенденции, тяготеет капиталистическая экономика и который достигается с меньшими или большими отклонениями, прежде всего на основе свободы конкуренции и свободного проявления закона ценности в деле распределения общественного труда. При капитализме эквивалентный обмен можно считать господствующей тенденцией, как бы ни многочисленны были отклонения от общего правила и как бы ни нарастали эти отклонения исторически с развитием монополизма. Наоборот, при советской экономике, в период смены всей технической базы государственного хозяйства, правилом является неэквивалентность обмена. С этой эквивалентностью связано все существование государственного хозяйства, и в ней заключается одна из важнейших особенностей нашей темы на данном этапе ее развития. Военный коммунизм означал неэквивалентность размена² продукции государственной промышленности на отчуждаемую путем разверстки продукцию деревни, во-первых, и отсутствие рыночной, товарно-денежной формы такого размена, т.е. отсутствие рыночного обмена, во-вторых. В период военного коммунизма уровень развития производительных сил как государственного, так и крестьянского хозяйства был так низок, а непроизводительное военное потребление так велико, что рыночная форма обмена не выдержала бы и лопнула под напором того перераспределения национального дохода, которое было необходимо в период Гражданской войны. Либо наоборот: если бы рыночная система обмена ужалась, то не удержались бы те пропорции распределения дохода, которых требовали условия войны, а вместе с тем могли

и пасть шансы на победу. Что же касается периода нэпа или, точнее говоря, периода первоначального социалистического накопления, то развитие производительных сил в обоих секторах не только допускает, но даже требует рыночной формы обмена, которая в состоянии обеспечить государственному хозяйству необходимые условия для существования и развития. Но размен продукции государственного хозяйства и частного, прежде всего государственной промышленности и крестьянского хозяйства, не может быть еще эквивалентным ни с точки зрения соотношения реальных трудовых затрат, стоящих за обмениваемой продукцией, ни с точки зрения соотношения с пропорциями обмена, существующими в мировом хозяйстве. Наша система не выдержала бы эквивалентного обмена, контролируемого мировым рынком, и весь процесс реконструкции государственного хозяйства должен был бы приостановиться.

Таким образом, хозяйственное равновесие советской системы периода первоначального социалистического накопления отличается от периода военного коммунизма тем, что здесь восстановлена рыночная форма связи между государственным хозяйством и частным, а также на сцену появляется капиталистический сектор. Сближает же теперешнюю систему с военным коммунизмом неэквивалентность обмена, которая продолжает существовать, хотя и в весьма смягченной форме по сравнению с 1919–1920 гг. Это обстоятельство не мешает помнить всем тем исследователям, которые проводят непримиримую пропасть между военным коммунизмом и нэпом и не умеют научно установить историческую преемственность между той и другой формой регулирования хозяйства. Не говоря уже о том, что нэп ровно ничего не изменил в системе собственности на крупную промышленность и транспорт, он сохранил преемственность с эпохой военного коммунизма, удержав в смягченной форме неэквивалентность обмена. Некритическое лягание военного коммунизма за то, в чем виновата общая экономическая отсталость страны, есть ребяческое недомыслие и непонимание причин и следствий в нашей экономической истории, и неизвестно, по какому адресу обращена жалоба на то, что уровень развития производительных сил был и долго еще останется у нас довольно-таки низким. Надо понимать, к каким последствиям это ведет на разных этапах существования советской системы.

Но если мы за период первоначального социалистического накопления *держимся* на неэквивалентном обмене, используя его для переконструирования нашей технической базы, то это не значит, что мы на очень долгий срок *удержимся* в таком исключительном положении, если будем не догонять капитализм, а будем отставать от него либо будем динамически сохранять относительно ту же дистанцию от него в области техники и развития производительных сил. Если принудительным условием существования советского хозяйства, с его государственным сектором, является неэквивалентный обмен, со всеми аппаратами ограждения такого обмена, как, например, монополия внешней торговли, плановый импорт и жесткий протекционизм, то вторым принудительным условием его *дальнейшего* существования является постепенное преодоление этой неэквивалентности, постепенное приближение уровня наших производительных сил к уровню наиболее передовых капиталистических стран. Таковы два условия равновесия в нашей системе, поскольку они связаны с расширенным воспроизводством именно социалистических отношений, т.е. с тем, что нас отличает от капиталистической экономики, и поскольку дело идет о воспроизводстве капиталистических отношений в экономически отсталой стране и на период преодоления этой отсталости.

Теперь нам необходимо сделать несколько предварительных замечаний о капиталистическом секторе советской экономики. Совершенно неправильно думать, что если существование государственного сектора за период его экономической и технической отсталости в сравнении с капитализмом является основным источником неэквивалентного обмена (который является, в сущности, налогом на все хозяйство в пользу социалисти-

ческой реконструкции), то капиталистический сектор советской экономики, *взятый в целом*, является территорией эквивалентного обмена либо ему свойственны в целом тенденции к более эквивалентному обмену уже в рамках советской системы хозяйства. Нужно помнить, что торгово-промышленный участок капиталистического сектора, с одной стороны, и его аграрный участок – с другой, находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену. Основные пропорции в области цен внутри страны складываются между государственной промышленностью и транспортом и между крестьянским хозяйством. *Эти пропорции частная промышленность изменить не в состоянии* и ни в малой степени не заинтересована в этом. Она играет здесь пассивно-паразитическую роль. Если для государственного хозяйства неэквивалентный обмен есть материальный источник технической реконструкции и предпосылка развития производительных сил на будущие годы, то *частная промышленность просто присасывается к создавшемуся положению*, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни отправным пунктом положительной конкуренции с государственной промышленностью. Там же, где частная промышленность успешно конкурирует с государственной промышленностью – некоторые отрасли легкой промышленности, в которых дорогостоящее машинное оборудование еще не играет большой роли или неприменимо и где роль личной инициативы и энергии, личной заинтересованности в деле относительно велика, – там она достигает этого главным образом через резкую эксплуатацию рабочей силы, часто рабочей силы собственной семьи. Накопленные же ресурсы буржуазия предпочитает хранить в денежной форме, считая опасным для себя превратить их в затвердевшую форму новых орудий производства. Совершенно в таком же положении находится и частно-торговый капитал. В условиях товарного голода и при отсутствии рациональной постановки распределения в государственно-кооперативной сети, особенно в первые годы существования этой сети, частный торговый аппарат, кроме обычной прибыли, забирает конъюнктурную прибыль и торгует, в общем, по ценам более высоким, чем государственно-кооперативная сеть. И здесь частный капитал играет преимущественно паразитическую роль в том смысле, что *использует не им созданную конъюнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности*.

В ином положении находится аграрная половина капиталистического сектора, представленная кулацким хозяйством и хозяйством зажиточных крестьян, уже стоящих одной ногой на почве систематической эксплуатации чужого труда. Об удельном весе этой части капиталистического сектора и об его растущем значении в экономике страны мы скажем ниже. Здесь же отметим, что основная сила капиталистического сектора, поскольку он будет вообще развиваться, будет несомненно перемещаться именно в его аграрную часть, где накопление идет как раз в форме накопления средств производства и арендуемой у бедноты земельной площади. Именно аграрный капитализм советской системы прежде всего и больше всего страдает от неэквивалентного обмена, потому что кулацкое хозяйство покупает больше середняцкого, а значит, больше переплачивает на наших внутренних ценах в сравнении с мировыми; оно больше продает, и расширенное производство в нем может происходить только через рыночный обмен, при посредстве которого реализуется растущая количественно продукция его, и в том числе та ее часть, которая составляет прибавочную ценность. Вот почему кулацкое хозяйство так остро враждебно, так сознательно враждебно относится к теперешней экономической системе в СССР, хотя от неэквивалентного обмена страдает в известной мере все крестьянство вообще, поскольку оно связано с рынком и не замкнулось в скорлупе натурального хозяйства. Кулацкое хозяйство пытается выправить неэквивалентность обмена с городом

путем воздержания от продажи в месяцы, когда бедняцко-средняцкие слои продают хлеб по заготовительным ценам, пытаясь поднять цены на хлеб весной; оно пробует смену одних культур другими, более выгодными; оно пытается накапливать в натуральной форме, минуя рынок, что возможно для него путем увеличения количества скота собственного производства, птицы, построек и т.д. Но возможности таких хозяйственных маневров не очень велики, и в конце концов кулацкое хозяйство приходит в столкновение со всей советской системой и чем дальше, тем больше будет искать решения проблемы не экономическим путем на базе советской системы, не в частичном исправлении равновесия в свою сторону, а в попытках пробиться к мировому рынку контрреволюционным путем. Здесь проблема хозяйственного равновесия прямоком упирается в проблему социального равновесия, в проблему соотношения классовых сил за и против советской системы. Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата; равновесие на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития, особенно в земледелии.

Из сказанного ясно, что если Марксов анализ пропорционального распределения труда при чисто капиталистическом воспроизводстве исходил из эквивалентного обмена, как обязательной предпосылки, если из этой предпосылки исходили и мы выше при анализе равновесия, конкретного капитализма, то предстоящее нам исследование воспроизводства в хозяйстве СССР должно исходить из неэквивалентности обмена, хотя бы и ликвидируемой постепенно и систематически. *А это значит, что в основе всего процесса постоянно предполагается существование двух разных систем собственности на средства производства и двух разных регуляторов хозяйственной жизни, т.е. закона ценности и закона первоначального социалистического накопления.*

Алгебраическая схема воспроизводства в СССР

Алгебраическая схема трех секторов хозяйства, если условно применить Марксову терминологию, относящуюся к капиталистическому хозяйству, к хозяйству государственному, также и мелкобуржуазному сектору, будет иметь следующий вид:

Государственный сектор

I подразделение $c + v +$ прибавочный продукт	}	прибавочный продукт от других секторов
II « $c + v +$ « «		

Капиталистический сектор

I подразделение $c + v + m$
 II « $c + v + m$

Мелкобуржуазный сектор

I подразделение $c +$ фонд потребления + прибавочный продукт
 II « $c +$ « « + « «

Однако приведенная схема является для нас недостаточной, потому что не дает представления о том, как распадаются отдельные величины с точки зрения их обмена с различными подразделениями различных секторов. Более детальная схема, которой мы будем пользоваться в дальнейшем, беря, однако, часто оба частных сектора вместе, должна выглядеть следующим образом:

<i>Государственный сектор</i>					
<i>I</i> подразделение	Весь основной капитал <i>c</i>	Ежегодно воспроизводимая в расширенном масштабе постоянного капитала: а) воспроизводимом внутри подразделения б) обменом с другими <i>I</i> подразделениями с) импортом	Фонд заработной платы: а) часть, возмещаемая с обменом с <i>c II</i> госсектора б) обменом с <i>c II</i> других секторов	Прибавочный продукт: а) фонд накопления <div style="display: inline-block; vertical-align: middle; margin-left: 10px;"> { <div style="display: inline-block; vertical-align: middle; margin-left: 5px;"> 1) на расширение действующих предприятий 2) постройки новых заводов </div> </div> б) фонд непроизводительного потребления советской системы, ищущий в <i>c II</i> всех секторов и в <i>c</i> военной промышленности	Прибавочный фонд социалистического накопления*
<i>II</i> подразделение	<i>c</i>	Ежегодно воспроизводимая в расширенном масштабе постоянного капитала: а) обменом с <i>I</i> госсектора б) обменом с фондом потребления первых подразделений других секторов с) обменом с частью фонда непроизводительного потребления первого [подразделения] д) импортом	Фонд заработной платы: а) часть, возмещаемая внутри собственного подразделения б) часть, возмещаемая обменом с фондом потребления других вторых подразделений	Прибавочный продукт а) фонд накопления в собственном подразделении (добавочное <i>v</i> , добавочное увеличение своего <i>c</i>) б) фонд непроизводительного потребления советской системы	

* Движение натурального состава фонда социалистического накопления ясно из всей схемы воспроизводства. Более подробно об этом – при цифровом анализе Контрольных цифр Госплана.

<i>Капиталистический сектор</i>					
I под- разде- ление	<i>c</i>	<i>c</i>	<i>+ v</i>	<i>+ m</i>	
		То же, что в госсектор, кроме импорта	То же, что в госсектор	а) фонд накопления б) фонд потребления капиталистов в) фонд непродуцированного потребления с[оветской] с[истемы] д) отчуждение в фонд социалистич. накопления	
II под- разде- ление		То же, что в госсектор, кроме импорта	То же, что в госсектор	То же, что в первом подразделении того же капиталистического сектора	
		<i>c</i>	<i>+ v</i>	<i>+ m</i>	
<i>Мелкобуржуазный сектор</i>					
I под- разде- ление	<i>c</i>	Средства производства для производства средств производства, ежегодно воспроизводимые в расширенном масштабе: а) воспроизводимые внутри подразделения	Фонд потребления а) воспроизводимый обменом с <i>c II</i> госсектора	Прибавочный продукт а) фонд накопления б) фонд непродуцированного потребления советской системы в) фонд отчуждения в фонд социалистического накопления	{1) часть, остающаяся в том же подразделении 2) обмениваемая на добавочный фонд потребления 3) на добавочные средства производства из других секторов
		б) обмен. с <i>c II</i> госсектора и <i>c II</i> капиталистического сектора в) импортом	б) обменом с <i>c II</i> капиталистического сектора в) обменом с <i>c II</i> собственного сектора		

II подразделение	с	<p>Средства производства для производства средств потребления, ежегодно производимые в расширенном масштабе:</p> <p>а) создаваемые внутри подразделения</p> <p>б) воспроизводимые обменом с фондом потребления и с частью фонда непроизводительного потребления собственного сектора</p> <p>с) обменом с <i>v</i> и с частью фонда непроизводительного потребления I госсектора</p> <p>д) обменом с частью <i>v</i> и <i>m</i> первого подразделения капиталистического сектора</p>	<p>Фонд потребления:</p> <p>а) собственно-го производства (подавляющая часть)</p> <p>б) обменом с частью <i>v</i> II госсектора, <i>v</i> II капиталистического сектора</p>	<p>Прибавочный продукт:</p> <p>а) фонд накопления</p> <p>б) фонд непроизводительного потребления советского общества в натуральной форме</p> <p>с) отчуждение в фонд социалистического накопления</p> <p>1) фонд добавочного потребления собственного производства 2) обмен на добавочные средства из других подразделений других секторов 3) собственного добавочного средства производства</p>	
------------------	---	---	---	--	--

Скажем несколько слов в объяснение этой схемы, которая даже в таком виде далеко не исчерпывает всех направлений, по которым идет обмен при расширенном воспроизводстве в нашей системе.

Постоянный капитал первого подразделения государственного сектора с точки зрения обмена распадается на три части: первая часть, воспроизводимая внутри самого подразделения; вторая часть, воспроизводимая путем обмена с первыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов; третья часть, воспроизводимая путем импорта средств производства из-за границы.

Заработная плата первого подразделения госсектора делится на две части: одна часть, которая обменивается на средства потребления, изготовляемые во втором подразделении государственного сектора; другая часть воспроизводится путем обмена

с обоими вторыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов.

Прибавочный продукт этого же подразделения распадается: 1) на фонд накопления, который распределяется пропорционально s и v , с соответствующим разменом добавочного v на средства потребления; 2) на фонд непроизводительного потребления. Последний фонд потребляется *in natura* в самом же подразделении только в виде средств производства военной промышленности, а в остальной части идет в размен со вторыми подразделениями всех секторов.

Постоянный капитал второго подразделения госсектора воспроизводится: путем обмена средств потребления на одну часть фонда заработной платы первого подразделения госсектора; на обмен с фондом потребления капиталистического и мелкобуржуазного секторов (главным образом, на крестьянское сырье); путем импорта средств производства (и в форме машин, и в форме сырья, как хлопок, шерсть, каучук, кожи и т.д.).

Заработная плата второго подразделения госсектора частью воспроизводится в самом же этом подразделении, частью разменивается на фонд потребления мелкобуржуазного сектора, частью на v // капиталистического сектора.

Прибавочный продукт второго подразделения госсектора распадается таким же образом, как и прибавочный продукт первого подразделения: он состоит, следовательно, из фонда накопления и фонда непроизводительного потребления. Последний потребляется *in natura*, первый же распадается на две части: одна состоит из добавочного v и воспроизводится по типу всего v // госсектора, другая, предназначенная на закупку средств производства, воспроизводится по типу s // госсектора.

Мы оставляем без детального рассмотрения обмен капиталистического сектора с другими секторами, поскольку этот процесс ясен из сделанного выше анализа в подразделениях госсектора. Различие есть в разделе прибавочной ценности. Здесь прибавляется потребление класса капиталистов, что вносит модификацию в обмен средств производства на средства потребления отдельных секторов, а также прибавляется вычет из m в фонд социалистического накопления, что тоже усложняет анализ воспроизводства³.

Средства производства первого подразделения мелкобуржуазного сектора, состоящие из машин, скота, семян, удобрений и т.д. крестьянских хозяйств, занятых производством технических культур, а также и инструментов и сырья определенной части ремесленной промышленности, делятся на две части: одна часть воспроизводится в самом подразделении, другая часть может быть получена только путем внутреннего размена на s / госсектора, отчасти импортом.

Фонд потребления первого подразделения мелкобуржуазного сектора, имеющий натуральную форму средств производства, разменивается в двух направлениях: на s // госсектора и капиталистического сектора, с одной стороны, и на часть фонда средств производства второго подразделения того же мелкобуржуазного сектора [– с другой].

Прибавочный продукт первого подразделения мелкобуржуазного сектора делится на три основные части: а) на фонд накопления; б) на фонд непроизводительного потребления в том размере, в каком данное подразделение вынуждено участвовать в его покрытии; в) на фонд соцнакопления, идущий в госсектор.

В свою очередь, фонд накопления состоит: а) из добавочных средств производства собственного изготовления, которые идут на увеличение *in natura* собственного же s путем внутреннего перераспределения, т.е. без привлечения к обмену других секторов; б) из средств производства, которые обмениваются на средства производства, изготавливаемые в первых подразделениях государственного и капиталистического секторов; в) из средств производства в натуральной форме, которые служат фондом добавочного потребления новых работников и должны поэтому, чтобы поступить в потребление, обменяться на средства потребления вторых подразделений всех трех

секторов в пропорциях, в каких обменивается весь вообще потребительский фонд данного подразделения.

Фонд непроизводительного потребления, подобно фонду непроизводительного потребления *I* госсектора (кроме средств производства военной промышленности), должен превратиться в предметы потребления путем размена в соответствующих пропорциях со *вторым* подразделением всех трех секторов, возмещающих свой постоянный капитал.

Отчуждение в фонд социалистического накопления. Сюда относится, [во-первых], та часть налогов на мелкое производство, которая идет не на непроизводительное потребление агентов государства и торговой сети, а на увеличение капитальных фондов государственного хозяйства, включая сюда и государственные фонды сельскохозяйственного кредита. Сюда относится, во-вторых, та часть фонда первоначального социалистического накопления, которая образуется вследствие обмена экспортного фонда мелкого, главным образом крестьянского, производства, расцениваемого по внутренним ценам (которые ниже мировых) на импортный фонд средств производства для госсектора, расцениваемых по внутренним ценам (которые много выше мировых). Если же брать весь процесс воспроизводства в СССР в ценностных отношениях мирового рынка, то в рассматриваемый фонд пришлось бы внести все сальдо, образующееся при размере государственной продукции на частную, беря продукцию и государственного, и частных секторов в ценах мирового рынка и вычитая из этой суммы ту ее часть, которая поглощается непроизводительным потреблением.

Средства производства второго подразделения мелкобуржуазного сектора состоят из четырех частей: первая, самая большая часть воспроизводится в самом же втором подразделении, поскольку дело идет преимущественно о крестьянском земледелии. Сюда относятся: семена, отделяемые от урожая, собственное производство рабочего скота, собственное производство кормов для скота, собственное удобрение, собственные постройки и т.д.; вторая часть воспроизводится путем обмена на потребительский фонд первого подразделения мелкобуржуазного сектора или на часть *v I* капиталистического; третья часть обменивается на часть фонда заработной платы первого подразделения госсектора; четвертая – воспроизводится путем импорта.

Потребительский фонд второго подразделения мелкобуржуазного сектора состоит из двух частей: первая, подавляющая часть, воспроизводится внутри самого подразделения; вторая, значительно меньшая часть, разменивается на часть фонда заработной платы второго подразделения государственного и капиталистического секторов.

Что касается фонда прибавочного продукта второго подразделения мелкобуржуазного сектора, то он распадается на те же четыре части, что и прибавочный продукт первого подразделения того же сектора; разница же заключается во всех тех изменениях в системе размена, *которые связаны с другой натуральной формой всего продукта*. В самом деле, фонд накопления прежде всего делится пропорционально между фондом добавочного потребления и фондом добавочных средств производства, причем добавочный фонд потребления имеет тот же состав, что и основной фонд потребления. Отличие процесса воспроизводства этого фонда от воспроизводства такого же фонда в *I* подразделении мелкобуржуазного сектора состоит в том, что в *I* подразделении этот фонд до обмена имеет натуральную форму средств производства, которые целиком надо обменять на средства потребления, тогда как здесь, т.е. во втором подразделении, этот фонд с самого начала имеет натуральную форму средств потребления и в основной своей части здесь же и потребляется. Разменивается же на средства потребления других двух вторых подразделений лишь его меньшая часть. В свою очередь, фонд добавочных средств производства имеет такой же состав, какой имеют средства производства данного подразделения вообще. Это значит, что часть фонда добавочных средств производства создается

в самом же мелкобуржуазном секторе, а другая часть получается путем размена с другими секторами.

Что касается непроизводительного потребления, то под ним подразумевается, как и выше, та часть прибавочного продукта данного сектора, которая идет в доход групп советского общества, представляющих непроизводительное потребление: расходов на государственный аппарат, армию, непроизводительная часть расходов торгового обмена и т.д. Разница с первым подразделением того же сектора состоит в том, что в данном случае фонд непроизводительного потребления с самого начала имеет натуральную форму предметов потребления и не подлежит дальнейшему размену с другими подразделениями, как это неизбежно для фонда непроизводительного потребления, имеющего натуральную форму средств производства.

Что касается прибавочного продукта, идущего в фонд социалистического накопления, то все сказанное для *I* подразделения мелкобуржуазного сектора относится без изменения и ко второму подразделению.

Приведенная нами схема воспроизводства в системе СССР дает возможность выяснить общие условия пропорциональности в хозяйстве рассматриваемого типа и в рассматриваемый период его существования. Эти общие условия нам необходимо выяснить раньше чем мы применим вышеупомянутую схему к анализу цифровых данных за отдельные годы, раньше чем мы попытаемся подставить под алгебраические символы конкретные арифметические цифры, например, 1925/26 или 1926/27 хозяйственных годов.

Первое условие равновесия

Начнем сначала с условий равновесия между всем государственным сектором и обоими секторами частного хозяйства, взятыми вместе, с точки зрения обеспечения расширенного воспроизводства в государственном секторе, отвлекаясь пока от натурального состава обмениваемой продукции.

Предположим, что валовая продукция государственного сектора по существующим ценам в червонных рублях равна 12 млрд в год и распадается следующим образом: $8c + 2v + 2$ прибавочный продукт. (В 1925/26 г. валовая продукция государственного хозяйства по ценам производителей, вместе с выручкой транспорта, связи, коммунального и лесного хозяйства и вместе с валовой продукцией строительства, равнялась 14 350 млн руб., без некоторых второстепенных статей.)

Предположим далее, что обменный фонд со всем частным производством равен сумме 3 млрд, т.е. что государственный сектор продает частному хозяйству средств производства, предметов потребления и транспортных услуг на 3 млрд червонных руб. и на ту же сумму получает от него средств производства, главным образом крестьянского сырья и предметов потребления, и экспортный фонд. Принимается, следовательно, баланс без сальдо в пользу того или иного сектора, т.е. без одностороннего накопления нереализуемых товарных излишков. Предположим теперь, что вся экономика СССР включается в мировое хозяйство на основе свободного действия закона ценности и нашей промышленности принудительно навязываются цены мирового рынка при тех же размерах экспорта и импорта, т.е. отвлекаясь пока от возможных изменений в динамике внешней торговли. Тогда все равновесие будет опрокинуто, и прежде всего опрокинуто равновесие во взаимоотношении всего государственного сектора, как целого, с сектором частного хозяйства. В самом деле, предположим, что вся продукция государственного сектора расценивается теперь по ценам мирового рынка, т.е. минимум в два раза дешевле, чем теперь. Если та часть продукции первого подразделения госсектора, которая идет на возмещение части постоянного капитала второго подразделения государственного же

сектора (машины, топливо для производства средств потребления), равна приблизительно той части продукции второго подразделения госсектора, которая в возмещение этого идет в первое подразделение и состоит из мануфактуры, обуви, сахара и т.д., то принудительное снижение цен не изменит существенно натуральных пропорций обмена внутри самого государственного круга, если процент вздорожания продукции тяжелой и легкой промышленности государственного сектора не очень сильно отличается от индексов цен тяжелой и легкой промышленности мирового хозяйства (если, допустим, наши средства потребления государственного производства также в два раза дороже продукции легкой промышленности мирового хозяйства, как цены на машины в два раза дороже цен на машины иностранного производства). В самом деле, если какой-нибудь наш машиностроительный трест продает теперь в два раза дешевле свои машины нашей же текстильной промышленности, то и наоборот, текстильная промышленность вдвое дешевле продает свою мануфактуру, идущую на потребление рабочих и служащих машиностроительной промышленности. Короче говоря, вследствие изменения покупательной способности денег одновременно для обеих сторон натуральный баланс обмена останется тем же, как если бы стороны оценивали свою продукцию не в червонных рублях 1927 г., а в другой денежной единице, допустим по покупательной способности фунта стерлингов на мировом рынке. Могут пострадать или выиграть при этом отдельные отрасли, где отклонения от мировых цен тех же отраслей больше чем в два раза или меньше чем в два раза. В том же случае, когда размен между первым и вторым подразделениями государственного сектора не балансируется и остаток покрывается за счет обмена с частным производством, большой ущерб понесет то подразделение государственного сектора, которое окажется больше связано в обмене вещев с частными секторами.

Но наиболее важное изменение произойдет в рассматриваемом нами случае во взаимоотношениях всего государственного сектора ко всему частному производству. Связь государственного сектора со всем частным производством отнюдь не ограничивается размерами сальдо, не покрываемого внутри государственным обменом. Первое подразделение государственного сектора при всяких условиях должно продать в частное производство такое количество средств производства, которое равно по цене той части заработной платы его рабочих, на которую покупаются продукты потребления крестьянского производства плюс соответствующая часть средств производства, возмещающая долю непроизводительного потребления, падающего на первое подразделение госсектора за вычетом средств производства военной промышленности. Еще большие размеры обмена у второго подразделения госсектора с частным хозяйством. Путем такого обмена возмещается значительная часть *c II* госсектора, а также значительная часть фонда заработной платы этого подразделения. В нашем примере, цифра которого близка к реальной цифре обмена госсектора с частным хозяйством в 1925/26 хозяйственном году, покупки частного сектора в государственном секторе и государственного в частном равны сумме в 3 млрд для каждой стороны.

Если частное хозяйство продало своей продукции на эти 3 млрд по ценам мирового рынка, то продажа со стороны государственного сектора своей продукции частному хозяйству по ценам мирового рынка, т.е. по ценам, вдвое сниженным, даст возможность государственному сектору выручить за свою продукцию вместо 3 млрд только 1½ млрд, т.е. госсектор недополучит половины по сравнению с хозяйственным годом, проходящим в условиях неэквивалентного обмена. Какую пертурбацию это произведет во всех условиях воспроизводства в государственном секторе, это совершенно очевидно из первого же взгляда на наш числовой пример. Недополучение 1½ млрд съест, во-первых, весь фонд накопления и, во-вторых, затронет в какой-то части непроизводительное потребление. В-третьих, в дальнейшем это должно привести к невозможности правильной амортизации основного капитала, а также той части оборотного, которая состоит из кре-

стьянского сырья. В целом это будет означать полный срыв процесса расширенного воспроизводства, а при сохранении значительного непроизводительного потребления может сделать невозможным даже и простое воспроизводство на уровне предыдущего года.

Пертурбация получится еще более сильная, если установление цен мирового рынка на сырье и средства потребления, производимые в частном хозяйстве, будет означать фактическое увеличение их в сравнении с настоящим положением вещей.

Мы приходим, таким образом, к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. *При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т.е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства⁴. Это значит, что в условиях вышеописанного разрыва цен закон первоначального социалистического накопления есть закон поддержания равновесия всей системы, прежде всего в ее отношениях с мировым хозяйством. Этот закон должен неизбежно проявляться до момента преодоления экономической и технической отсталости государственного хозяйства пролетариата в сравнении с передовыми капиталистическими странами.*

Второе условие равновесия

Переходим теперь к следующему условию равновесия системы, оставаясь пока опять-таки в сфере взаимоотношений всего государственного сектора со всем частным производством.

Возьмем нашу цифровую схему для государственного сектора и предположим, что начинается новый хозяйственный год на базе итога накопления, полученного в предыдущем году. Мы предполагаем, следовательно, что при наличии прибавочного продукта в государственном хозяйстве, равного двум миллиардам, из которых половина идет на непроизводительное потребление, а другая половина – на производительное накопление, при увеличении обменного фонда с частным производством с 3 млрд до 3¼ млрд, равновесие во всей хозяйственной системе является обеспеченным. Теперь возьмем обратный случай, а именно, что фактическое накопление по каким бы то ни было причинам, будь то резкое снижение отпускных цен, не оправдываемое себестоимостью, будь то рост непроизводительного потребления, равняется не 1 млрд, а только 700 млн. К каким последствиям должно неизбежно привести это недонакопление в государственном секторе?

Совершенно очевидно, что это приведет к нарушению пропорциональности между государственным и частными секторами советской экономики. Недонакопление на 300 млн будет означать отсутствие возможности расширить до необходимых пределов воспроизводство *s* в обоих подразделениях, причем дефицит на средства производства будет равен 240. Одновременно мы будем иметь расширение *v* в обоих подразделениях государственного сектора на 60 млн ниже нормы, что помимо всего прочего будет означать более медленное увеличение занятых в производстве рабочих, а следовательно, относительное увеличение безработицы. Наконец, это даст уменьшение на 60 млн прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве. По отношению же к общей продукции государственного сектора мы будем иметь в конце года недовыработку на 360 млн в сравнении с первым примером. Если доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна, как мы сказали, 3¼ млрд, т.е. равна почти ¼ всей валовой продукции государственного сектора, то недобор 360 млн продукции может означать

недостаток товаров для частного сектора минимум в размере около 90 млн⁵. А это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 млн $\frac{2}{3}$ относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего крестьянского, хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т.е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т.е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж своей продукции для экспорта и к увеличению внутри крестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих, указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего в частно-торговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т.д. диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать, в условиях расширенного воспроизводства, необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том, и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не может следовать закупок, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты, или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготавливаемые государственным сектором, неизбежно означает искусственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями.

Из сказанного с полной очевидностью вытекает, что 1) размеры накопления в государственной промышленности при данном уровне цен не являются величиной произвольной и подчинены железным законам пропорциональности, выявить которые и составляет одну из важнейших задач теории советского хозяйства и практики планового руководства хозяйственной жизнью; 2) нарушение необходимого минимума накопления является ударом не только по государственному хозяйству и по рабочему классу, но и задерживает развитие крестьянского хозяйства, искусственно снижая темп расширенного воспроизводства в земледелии.

Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед. Надо с самого начала условиться относительно того, что разуметь под словом «перенакопление». Если под перенакоплением разуметь такое соотношение между производством и потреблением во всем обществе, когда новые средства производства, пускаемые в ход в обоих подразделениях, приводят в последнем счете к столь резкому увеличению выработки средств потреблений, что эти средства потребления не могут, при данных ценах и данном уровне, рассосаться на потребительском рынке, вследствие чего и соответственное накопление в первом подразделении оказывается бесцельным, то та-

кое явление очень хорошо знакомо капиталистической экономике и неизбежно должно вызвать кризис сбыта, разорение ряда предприятий в обоих подразделениях, вынужденное понижение цен и падение нормы прибыли. Если же, беря теоретически возможный случай, в нашем государственном хозяйстве на основе накопления предыдущего года выработка средств потребления превышает платежеспособный спрос и рабочих, и всего частного хозяйства при данных плановых ценах, то положение создается гораздо менее серьезное, чем в капиталистической экономике, и вот почему. Динамическое равновесие нашей системы имеет своей предпосылкой, между прочим: 1) рост заработной платы рабочим, 2) постепенное снижение промышленных цен, 3) переоборудование и расширение всей технической базы государственного хозяйства. Наличие кризиса сбыта может при таких условиях означать одно из трех:

1) Либо мы неправильно рассчитали во времени осуществление программы по первым двум пунктам, и тогда равновесие может быть достигнуто или путем превышающего программу повышения заработной платы, или мерой, более радикальной, т.е. путем более быстрого в сравнении с программой общего понижения цен на предметы потребления, изготавливаемые государственным сектором. В этом случае диспропорция может быть преодолена наиболее быстро и без особых потрясений, причем «перенакопление» окажется лишь кризисом производственного плана в той его части, где этот план неверно учитывал во времени выполнение первых двух задач. Кроме того, не надо забывать, что при общем недостатке у нас кредитных, производственных и торговых резервов *диспропорция не может долго накапливаться в скрытом виде*, как это бывает при капитализме, и ликвидация ее неизбежно начнется гораздо раньше, чем весь процесс, зайдет слишком далеко. Вредные последствия планового расчета, о котором идет речь, скажутся в дальнейшем в том смысле, что выполнение третьей из отмеченных выше задач будет задержано во времени.

2) Либо мы неправильно рассчитали осуществление во времени третьей задачи, т.е. мы расширили производство средств потребления *при данных ценах* в большем объеме, чем это допускается подготовленностью всего технического базиса государственного хозяйства и размерами достигнутой рационализации труда к снижению себестоимости, к снижению продажных цен или, в худшем случае, к увеличению только одной заработной платы. При таком положении «перенакопление» оказывается результатом неправильного распределения производительных сил внутри государственного хозяйства, результатом отставания процесса технического перевооружения промышленности от общего развития всего хозяйства. Мы будем иметь здесь внутреннюю диспропорцию в рамках государственного круга, а не перенакопление с точки зрения взаимоотношений государственного хозяйства с частным производством. Выход из такого кризиса путем снижения цен, хозяйственно неподготовленного снижения, снижения себестоимости, может задержать временно весь процесс расширенного воспроизводства, как задержит его и такое решение проблемы, когда часть продукции временно останется в виде неликвидного фонда, но при сохранении данных цен. Это несоответствие будет сохраняться, пока передвижка в распределении производительных сил не восстановит равновесия.

3) Либо переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и при наличии товарного голода приостановит процесс снижения цен. В этом случае у нас будет *не общее перенакопление* (иначе отсюда может быть товарный голод, хотя бы даже на средства потребления) в государственном секторе, а непропорциональное распределение во времени отдельных задач расширенного воспроизводства. В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного

процесса к реконструктивному. Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства. *То, что имеет внешний вид перенакопления в тяжелой промышленности, есть только своеобразная форма недонакопления во всем государственном хозяйстве, взятом, как целое.* Сама природа воссоздания основного капитала в описываемых условиях такова, что этот процесс не может не носить скачкообразного характера. Чтобы расширить, допустим, на 100 млн руб. производство средств потребления в год в легкой государственной промышленности, приходится предварительно увеличить на 400–500 млн производство средств производства. Это может временно задержать необходимый темп производства средств потребления, вызвать особого свойства товарный голод, задержать снижение цен, особенно в том случае, если изменение строений крестьянского бюджета приводит к повышению спроса на средства потребления в сравнении с довоенным положением. Но зато через несколько лет это даст возможность сразу снизить себестоимость производства, снизить продажные цены и сразу быстро увеличить фонд потребления. Вместо систематического снижения цен, допустим на 2–3% в год, вместо систематического увеличения выработки средств потребления, допустим на 6–7% в год, это даст реализацию той же программы в течение трех-четырех лет, но только в более скачкообразной форме. Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого развертывания государственного хозяйства сведутся прежде всего к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые предъявит к нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо. С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводства в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства *во времени*. Эта невозможность при переходе от восстановительного процесса к реконструктивному вообще неизбежна, потому что самый переход, как это мы увидим более подробно ниже, означает резкое изменение в общих пропорциях распределения производительных сил страны. Тот факт, что новые заводы начнут давать продукцию через три-четыре года после начала их постройки, есть результат более технической, чем экономической необходимости. Здесь задержка сначала, скачок потом – неизбежны. Сгладить этот скачок можно было бы отчасти лишь на основе более значительного экспорта и внешних кредитов. Невозможность же последних вызывается как раз тем, что у нас происходит не просто расширенное, а расширенное *социалистическое* производство промышленности, помогать которому мировой капитализм не намерен.

Таким образом, мы приходим к выводу, что размеры накопления в государственном хозяйстве в каждый данный год не есть величина произвольная, что определенный минимум накопления властно диктуется общими пропорциями распределения производительных сил между государственным сектором и частным, а также размерами нашей связи с мировым хозяйством. Во-вторых, мы приходим к выводу, что перенакопление в государственном секторе, при наличии огромной задачи быстрого переоборудования и расширения основного капитала промышленности (для решения этой задачи не хватит и десятилетия), вообще невозможно. Это переоборудование есть, в сущности говоря, колоссальной емкости внутренний рынок, не говоря уже о росте внутреннего рынка вследствие роста спроса со стороны частных секторов нашей экономики. Можно говорить не

о кризисе перенакопления в государственном хозяйстве, которое не имеет своей целью производство прибавочной ценности, а о колоссальном недонакоплении, которое отражается и на крестьянском хозяйстве, задерживая его развитие. Мы можем говорить также о недостаточном накоплении в сфере крестьянского производства промышленного сырья. О диспропорции этого рода будет речь при анализе натурального состава обмена между государственным и частным производством.

Необходимо заметить еще здесь, что те два общих условия равновесия, которые мы успели рассмотреть, различаются между собой вот в каком отношении. Равновесие неэквивалентного обмена в условиях разрыва внутренних цен с мировыми, т.е. равновесие экономики, регулируемой законом первоначального социалистического накопления в борьбе с законом ценности, есть специфическая особенность нашего хозяйства, есть закон нашего существования как советской системы на весь период преодоления нашей экономической отсталости по сравнению с передовым капитализмом. Здесь равновесие достигается в результате постоянной борьбы пока еще отсталого коллективного производства, одинокой страны с диктатурой пролетариата, с капиталистическим миром и с капиталистическими и мелкобуржуазными элементами собственной экономики. Равновесие этого типа есть неустойчивое равновесие борьбы двух систем, достигаемое не на основе мирового закона ценности, а на основе постоянного насилия над этим законом, на основе постоянного насилия над мировым рынком, на основе изъятия, если не полного, то частичного, из сферы регулирования мирового рынка огромной хозяйственной площади.

Значительно иначе обстоит дело, когда мы говорим о втором условии равновесия, т.е. о необходимых пропорциях накопления в государственном хозяйстве для поддержания равновесия в хозяйственном организме после того, как первое условие равновесия уже обеспечено на тот или другой срок. Поддержание равновесия внутри хозяйственного организма, разделенного на систему коллективного и систему частного производства, *иначе сталкивает руководящуюся законом п.с.н.* плановую политику государства с законом ценности*. Если мы в плановом порядке не улавливаем нужные пропорции распределения производительных сил при данном соотношении индексов внутренних и мировых цен, закон ценности со стихийной силой вламывается в сферу регулирования хозяйственных процессов и, заставляя отступать в беспорядке плановое начало, покушается при этом и на те специфические пропорции распределения труда и средств производства, которые создаются в результате наличия коллективного сектора хозяйства, на те специфические пропорции, которые обеспечивают не просто расширенное воспроизводство, а расширенное воспроизводство системы советского типа.

Третье условие равновесия

Переходим теперь к третьему условию равновесия, которое связано с размерами нашего участия в мировом разделении труда и с специфическими условиями реализации этой связи.

Возьмем наш прежний цифровой пример, относящийся к воспроизводству в государственном секторе. Теперь, однако, по характеру того вопроса, который предстоит нам выяснить, необходимо разбить годовое производство государственного сектора на два подразделения. Предположим, что распределение производительных сил и продукции между обоими подразделениями будет следующим: 40% первое подразделение, 60% второе⁶. Чтобы не расходиться с действительностью, предположим далее, что органическое

* Первоначальное социалистическое накопление.

строение капитала в первом подразделении ниже, чем во втором подразделении (в противоположность схемам Маркса – подробнее об этом ниже), c относится к v в I подразделении, как 3 : 2, во II , – как 2 : 1. Предположим далее, что прибавочный продукт равняется 100% заработной платы, что этот прибавочный продукт распадается в обоих подразделениях на две равные части: одна часть, которая идет в накопление в данном подразделении, другая – в фонд непроизводительного потребления советского общества. Вся схема тогда будет иметь следующий вид:

$$I \ 2100 \ c + 1400 \ v + 1400 \ \text{приб. прод. (700 фонд накопл.)} = 4900 \\ (700 \ \text{ф[онд] непр. потр.})$$

$$II \ 3550 \ c + 1775 \ v + 1775 \ \text{приб. прод. (887\frac{1}{2} \ \text{фонд накопл.})} = 7100 \\ (887\frac{1}{2} \ \text{[фонд] непр. потр.})$$

Уже при беглом взгляде на эту схему мы видим большое различие по сравнению с соответствующими Марксовыми схемами при капиталистическом производстве, $c \ II$ госсектора не только значительно больше зарплаты и непроизводительного потребления первого госсектора, но и больше зарплаты плюс весь прибавочный продукт первого подразделения. Все это вполне естественно в крестьянской стране, где очень большая часть $c \ II$ государственного сектора воспроизводится путем обмена с мелкобуржуазным хозяйством, которое дает нашей легкой промышленности такие средства производства, как хлопок, лен, пеньку, кожу, шерсть, сахарную свеклу, масличные семена для маслобойной промышленности, зерно для мельницы, картофель для спиртовой промышленности и т.д. Предположим, что половина $c \ II$ госсектора, т.е. 1755 c , воспроизводится путем обмена в частном производстве, т.е. мы заранее берем цифру, которая превышает действительные размеры воспроизводства $c \ II$ путем обмена с мелкобуржуазным хозяйством. Спрашивается теперь, как же может быть воспроизведена другая половина $c \ II$?

Для воспроизводства этой половины имеется, во-первых, фонд зарплаты первого подразделения в размере 1400. Однако вся эта сумма не может пойти на возмещение половины $c \ II$, потому что часть заработной платы первого подразделения должна обмениваться на крестьянские средства потребления. Предположим, этот последний обмен требует $\frac{1}{3}$ ⁷ от 1400, т.е. равняется 466,6. Тогда для обмена с $c \ II$ остается фонд в 933,4, имеющий натуральную форму средств производства. Далее, так как из прибавочного продукта в накопление первого подразделения идет 700, то для размена с другими подразделениями других секторов из прибавочного продукта остается фонд непроизводительного потребления в 700. Если мы возьмем ту же пропорцию размена этого фонда со вторым подразделением государственного же сектора, с одной стороны, и с частным хозяйством – с другой, т.е. предположим, что во второе подразделение сектора идет две трети, или 467, а в частное производство остальные 233, то тогда весь обменный фонд первого подразделения госсектора, возмещающий половину c второго подразделения, будет равняться $933,4 + 467 = 1300,4$ или, округляя цифру, – 1300, между тем как возместить необходимо 1755. Получается дефицит на средства производства в государственном хозяйстве, равный 455 млн.

Далее, если мы предположим, что этот дефицит так или иначе покрыт, то достаточно нам построить схему расширенного воспроизводства для следующего года на основании данных исходной схемы, чтобы видеть, как отмеченная нами диспропорция будет сохраняться, уменьшаясь немного при одних условиях, увеличиваясь – при других. В самом деле, во втором подразделении из подлежащих накоплению 887,5 прибавочного продукта 295,8 пойдет на увеличение v и 591,7 – на увеличение c . Таким образом, $c \ II$ будет равняться теперь 4141,7, а та часть его, которая должна быть покрыта обменом с первым подразделением, будет равняться 2070,8. В то же время в первом подразделении обменный фонд вследствие роста v и роста непроизводительного потребления пропор-

ционально возрастает, и та его часть, которая должна идти на возмещение *c II*, будет теперь равна вместо 1300 уже 1680. Это значит, что в следующем году дефицит на средства производства будет равен $2070,8 - 1680 = 390,8$ млн вместо 455 – *при том же темпе роста непроеводительного потребления*. И наоборот, сохранение тех же абсолютно размеров непроеводительного потребления должно увеличивать диспропорцию, потому что от сохранения старого размера или от уменьшения темпа роста непроеводительного потребления обменный фонд первого подразделения госсектора сокращается, в то время как *c II* госсектора относительно растёт. Спрашивается, является ли обнаруженная нами диспропорция следствием тех цифровых соотношений, которые нами взяты для примера (хотя пропорции и близки к действительным), или же она представляет реальную диспропорцию в нашем хозяйстве?

Вряд ли можно сомневаться в том, что взятый нами пример иллюстрирует как раз реальную диспропорцию, которая имеется в нашем хозяйстве и которая вызвана: 1) прекращением вложения в нашу промышленность иностранного капитала, 2) сокращением непроеводительного потребления класса буржуазии, 3) амортизационными провалами основного капитала прежних лет, 4) отвлечением части средств производства на постройку новых заводов, не дающих еще продукции, 5) вследствие общей необходимости более быстрого развития накопления в первом подразделении в условиях индустриализации страны.

Итак, мы констатируем резкий, все время возрастающий дефицит нашего государственного хозяйства на средства производства. Спрашивается теперь, какую роль может играть в ликвидации этой диспропорции внешняя торговля, которую теперь нам нужно ввести в круг нашего анализа? Эта роль является чрезвычайно важной. Допустим, дефицит второго подразделения на средства производства означает дефицит на машины для легкой промышленности, электроэнергию, продукцию основной химической промышленности и т.д., а дефицит тяжелой промышленности выражается в недостатке оборудования топливной промышленности, машиностроительных заводов, турбогенераторов большой мощности, воздуходувок и прочего оборудования черной и цветной металлургии и т.д. Что достигается привлечением к делу внешней торговли?

Привлечением импорта достигается следующее:

1. Легкая промышленность, вместо того чтобы приостановить свое развертывание и ожидать того момента, когда первое подразделение сможет на основе своего собственного развертывания дать ей нехватящие элементы *c*, получает свой дефицит сразу из-за границы, т.е. проблема разрешается во времени, тогда как решение вопроса длительным, окольным путем, путем развертывания собственного первого подразделения означало бы рост кризиса, нагромождение одних затруднений на другие, в том числе и в области обмена государственного сектора с частным производством. При этом необходимо помнить еще и одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно следующее. Если легкой промышленности для увеличения ее продукции на 100 единиц необходимо соответственно расширить свой постоянный капитал, в данном случае ту его часть, которая воспроизводится в первом подразделении госсектора, а в этом последнем подразделении как раз имеется общий дефицит на средства производства, нужные легкой промышленности, то удовлетворение добавочного запроса легкой промышленности может быть достигнуто только постройкой новых предприятий в тяжелой промышленности. А эта постройка должна отвлекать из общего фонда накопления государственного хозяйства на период строительства гораздо больше средств каждый год, в сравнении с ценностью средств производства, нужных для снабжения легкой промышленности добавочными элементами основного капитала. Прибавление новых 100 *c* к постоянному капиталу второго подразделения может потребовать единовременных вложений в первое подразделение на 400–500 элементов нового капитала. Между тем апелляцией к мировому рынку

мы прямым путем и без задержек разрешаем эту проблему путем импорта нужных средств производства для второго подразделения в необходимом для него размере.

2. Тяжелая промышленность, вместо того чтобы ждать, когда ее собственный дефицит на средства производства будет покрыт ее внутренним развертыванием, вместо того чтобы оборудовать новые производства машинами собственного производства, что крайне замедлило бы пуск новых предприятий в ход и затянуло бы кризис и внутри самого первого подразделения, и в сфере ее обменной связи со вторым подразделением, – тяжелая промышленность разрубает противоречия путем импорта такого оборудования, собственное производство которого усилило бы кризис, отвлекая и без того недостаточное накопление на такие предприятия, постройка которых при наличии связи с мировым хозяйством отнюдь не является первоочередной.

3. И легкая, и тяжелая промышленность не только разрешают проблему развертывания своего производства во времени, но решают в известной части огромной важности проблему накопления за счет частного хозяйства. В самом деле, в нашем примере государственному сектору не хватает средств производства, идущих на возмещение основного капитала на 400 млн руб. по внутренним ценам. Чтобы возместить этот дефицит, нашему государству достаточно вывезти, допустим, продуктов потребления крестьянского хозяйства на 200 млн руб., или на 100 млн долларов, и купить на эту сумму иностранного оборудования. Это иностранное оборудование, стоящее по мировым ценам 100 млн долларов, или 200 млн червонных руб., внутри нашей страны стоит 400 млн, если исходить из разницы наших внутренних промышленных цен с иностранными. Следовательно, благодаря импорту средств производства мы используем разницу мировых и внутренних цен и автоматически накапливаем основной капитал нашей развертывающейся промышленности.

Таким образом, связь с мировым рынком, разрешая во времени проблему реконструкции и расширения основного капитала обоих подразделений государственного сектора, разрешает в известном проценте также и проблему накопления с ее материальной стороны, а именно методами первоначального социалистического накопления.

Но, кроме рассмотренного нами случая, существует еще и другая диспропорция, разрешаемая также импортом. Дело идет о возмещении в натуральной форме некоторой части элементов *с II*, поскольку внутреннее производство сырья является у нас в некоторых отраслях недостаточным. Мы на десяток лет задержали бы, наверное, нормальное развитие нашей текстильной промышленности, если бы ожидали развития нашего собственного хлопководства до предела удовлетворения всего спроса этой промышленности на сырье.

Кроме перечисленных случаев, импорт нам абсолютно необходим еще и тогда, когда то или иное сырье (как каучук), те или иные средства потребления (например, кофе) мы вообще не производим совсем по природным условиям. Но я сознательно не говорю об этой стороне нашей связи с мировым хозяйством, потому что в этом случае перед нами выгоды и необходимость участия в мировом разделении труда *вообще, независимо от структуры хозяйства и ступени его развития*. Я же говорю об импорте таких средств производства, которые мы вообще можем производить сами и будем увеличивать их собственное производство, но которые на данной стадии развития государственного хозяйства нам необходимо импортировать для поддержания равновесия в системе расширенного социалистического воспроизводства, во-первых, и в интересах накопления основного капитала, во-вторых.

Итак, мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экспорта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недо-

развитости тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить, так сказать, автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления⁸.

Четвертое условие равновесия

Идем дальше. Четвертым условием равновесия нашей хозяйственной системы является пропорциональность в распределении труда, в частности пропорциональность обмена между государственным и всем частным хозяйством внутри страны как со стороны ценностных величин обмена при данных ценах, так и со стороны натурального состава этого обмена. Предполагается при этом, что равновесие ценностного обмена понимается условно, т.е. в смысле равновесия обмена неэквивалентного, обмена, являющегося механизмом социалистического накопления. Для большей наглядности исследования этого четвертого условия равновесия мы возьмем наш условный числовой пример, относящийся к государственному сектору, и присоединим к нему арифметическую схему воспроизводства в частном хозяйстве, причем для упрощения мы не будем пока делить частное хозяйство на два сектора – капиталистический и мелкобуржуазный, как это следовало бы сделать при более детальном анализе. Как и в государственном секторе, мы вводим деление прибавочного продукта частного хозяйства на две части: на фонд фактического накопления в каждом подразделении и на фонд непродуцированного потребления, которое ложится на данное подразделение.

Примем размеры общегодовой продукции всего частного хозяйства в 17 млрд⁹. Предположим, что эта валовая продукция делится между двумя подразделениями частного хозяйства следующим образом:

$$\begin{array}{l} I \ 2200 \ c + 2200 \ \text{фонд потребления} + 1100 \ \text{приб. прод.} = 5500 \\ II \ 3300 \ c + 6600 \ \text{«} \ \text{«} \ + 2100 \ \text{«} \ \text{«} = 12 \ 000 \end{array}$$

К первому подразделению относится производство технических культур в крестьянском хозяйстве и всего сырья вообще, а в ремесленной и кустарной промышленности – такие предприятия, изготавливающие средства производства, как частные кузницы, ремонтные мастерские, кустарное производство инвентаря, колес, телег, гужевой транспорт, перевозящий товарные продукты, идущие на дальнейшую переработку, и т.д.

Ко второму подразделению относится все производство средств потребления в крестьянском хозяйстве, дающее подавляющую часть всей продукции в этом подразделении, а именно: полеводство, животноводство в той его части, в какой оно дает продукты потребления, как молоко, масло, мясо, затем огородничество, рыболовство, выделка домашней одежды и т.д. Сюда же относится в ремесленной и в частной капиталистической промышленности производство тканей и одежды, частная кожевенная промышленность, частная пищевая промышленность и т.д.

Производя указанное выше деление крестьянского хозяйства на два подразделения, мы должны всегда помнить о том, что это деление представляет из себя методологическую абстракцию. Одно и то же неделимое крестьянское хозяйство фигурирует почти всегда в двух подразделениях сразу, потому что, как бы много оно ни производило средств потребления, оно обязательно производит в некотором количестве и средства производства. И наоборот, крестьянское хозяйство, специализирующееся на технических культурах, всегда производит средства потребления в том или ином размере.

Воспроизводство в первом подразделении происходит таким образом, что часть средств производства для крестьянского хозяйства, производящего сырье, а также средства производства ремесленной и кустарной промышленности, создается в самом же первом подразделении частного сектора. Сюда же относится производство семян при льноводстве, хлопководстве, посевах свеклы, конопли и т.д. для самого же льноводства, хлопководства и т.д. В самом же хозяйстве производятся рабочий скот, заготовка кормов на искусственных и естественных лугах, животноводство в части производства сырья (овца, дающая шерсть, есть средство производства шерсти, а размножение овец для шерсти есть производство орудий производства шерсти). Но остается другая часть средств производства, которая может быть получена только из первого подразделения государственного сектора. Сюда относится металл и уголь для кузниц, для мастерских мелкого ремонта, сельскохозяйственные машины для крестьянского производства сырья, искусственное удобрение, железнодорожный и водный транспорт, обслуживающий возмещение $c I$ частного сектора, и т.д. При этом возникает следующий вопрос: первое подразделение государственного сектора, представленное машиностроением, топливной промышленностью, металлургией, электростроительством и электроснабжением и т.д., имеет очень мало что купить из первого сектора частного хозяйства, во всяком случае меньше того, чем этот последний сектор должен покупать у тяжелой промышленности. А все то, что тяжелая промышленность продает для возмещения своего фонда заработной платы, требует продажи от других секторов средств потребления, которых первое подразделение частного хозяйства дать не может. Отсюда крайне сложный переплет во всей системе воспроизводства, который Маркс не исследовал непосредственно в своих знаменитых главах второго тома «Капитала» о накоплении, потому что он оперировал с условиями чисто капиталистического воспроизводства, где все равновесие обмена концентрируется только на соотношении величины $c II$ и темпа ее роста с величиной $v + \frac{m}{x} I$ и темпом ее роста. Та часть $c I$ частного сектора, которая не покрывается собственным производством средств производства этого сектора и внутренним обменом с $c I$ государственного сектора, может попасть в первое подразделение частного сектора еще через реализацию фонда непроизводительного потребления первого подразделения государственного сектора. Эта проблема может быть частично решена также и путем внешней торговли: лен, пенька, грубая шерсть, шетина и т.д. экспортируются за границу, и оттуда получается нужное количество средств производства.

Мы видим, таким образом, что воспроизводство одной части $c I$ частного сектора представляет из себя довольно сложную задачу, разрешаемую привлечением к обмену всех подразделений всех секторов, главным образом через русло непроизводительного потребления плюс внешняя торговля. Недостаточно, чтобы та часть $c I$ частного сектора, о которой идет речь и которая имеет вначале натуральную форму промышленного сырья, либо средств производства частной промышленности была продана, а нужно также, чтобы на вырученные деньги могли быть куплены в достаточном количестве как раз нужные средства производства. Установленный нами выше систематический дефицит на средства производства, главным образом в форме основного капитала, дефицит, характеризующий период реконструкции технической базы госсектора, должен еще больше увеличиться в результате той непропорциональности в обмене $c I$ госсектора на $c I$ частного сектора, о котором мы только что говорили.

Фонд потребления первого подразделения частного сектора состоит до обмена из тех же элементов, т.е. из промышленного сырья всех видов, создаваемого в крестьянском хозяйстве, а также из средств производства кустарно-ремесленного происхождения: продукция кузниц ремонтных мастерских, тележных мастерских, производство всякого иного инвентаря, заготовка древесины для дальнейшей переработки и т.д. Часть этих средств производства реализуется в самом же частном секторе, часть поступает для вос-

производства с II частного сектора, фигурирующего в нашем примере с цифрой 3500 с. В обмен второе подразделение частного сектора дает первому подразделению своего же сектора средства потребления. Другая часть средств производства – первого подразделения частного сектора, возмещающих фонд потребления, идет во второе подразделение государственного сектора в качестве сырья для текстильной, кожевенной, сахарной, маслостойкой, спиртовой промышленности и т.д. и обменивается на мануфактуру, обувь, сахар и пр.

Прибавочный продукт первого подразделения частного сектора, поскольку дело идет о главной и наиболее интересующей нас части, т.е. прибавочном продукте при производстве технических культур в крестьянском хозяйстве, состоит из трех основных частей: [во-первых,] из фонда непроизводительного потребления, который соответственно ложится на данное подразделение и из которого выплачивается соответственная доля государственных налогов, расходов на торговый аппарат и т.д., во-вторых, из фонда производительного накопления в самом данном подразделении и, в-третьих, из фонда, идущего в социалистическое накопление госсектора. В нашем примере весь прибавочный продукт первого подразделения частного сектора равняется 1100 млн, из которых в фонд накопления идет, допустим, 500 млн, в фонд непроизводительного потребления – 400, в фонд соцнакопления – 200.

Что касается фонда непроизводительного потребления, то в огромной своей части он должен обменяться на средства потребления вторых подразделений государственного и частного секторов, потому что средства производства индивидуально не потребляются. Проходным же каналом такого обмена является воспроизводство с во всех трех вторых подразделениях всех секторов хозяйства. Что же касается фонда накопления в 500 млн, то этот фонд тоже надо разделить на две совершенно различные части: 1) на фонд добавочных средств потребления для расширенного воспроизводства, т.е. на ту часть этих 500 млн, которая должна обменяться на средства потребления и служить потребительским фондом для новых работников, которые будут заняты в производстве, 2) на фонд добавочных средств производства в собственном смысле. Если мы предположим, что деление между фондом потребления и фондом средств производства происходит в таких же пропорциях, как в предыдущем году, то тогда фонд накопления средств производства будет равняться 250 млн. Теперь посмотрим, из каких элементов составляется эта последняя цифра. Меньшая часть этих 250 млн будет состоять из тех средств производства, которые первое подразделение частного сектора должны закупить у первого подразделения государственного сектора, т.е. у государственной тяжелой промышленности. Большая же часть этих 250 млн состоит из средств производства, которые создаются в самом же крестьянском хозяйстве и присоединяются, не точно выражаясь, к капиталу производства. Сюда относятся: 1) семена технических культур, получаемые в самом же подразделении и идущие на *расширение* посевов; 2) из расширенного воспроизводства скота, кормов, навозного удобрения; 3) из мелиораций всякого рода, направленных к расширению площади под техническими культурами и к подъему урожайности земли; 4) хозяйственные постройки из крестьянского леса собственными средствами; 5) из добавочных средств производства, получаемых из самого же подразделения, но путем обмена с частной и кустарной промышленностью.

Совершенно очевидно, что расширенное воспроизводство технических культур, поскольку для такого воспроизводства нужны средства производства из государственного сектора, теснейшим образом связано в своем развитии с условиями воспроизводства и накопления в государственной тяжелой промышленности. А с другой стороны, второе подразделение государственного сектора в деле расширенного воспроизводства тесно связано с успехами расширенного воспроизводства технических культур в крестьянском хозяйстве, образующем его сырьевую базу. Таким образом, в итоге расширенное

воспроизводство второго подразделения госсектора нуждается в *предварительном* расширенном воспроизводстве первого подразделения частного сектора в части производства технических культур, а расширенное воспроизводство технических культур нуждается в *предварительном же* расширенном воспроизводстве той части первого подразделения госсектора, которая дает ему нужные добавочные средства производства. Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности, и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время *предшествовать* расширенному воспроизводству упомянутых отраслей.

Приведем еще один частный пример, с которым часто приходится сталкиваться на практике в крестьянской стране и который относится к рассматриваемому вопросу. Как известно, в нашем крестьянском хозяйстве процесс накопления идет скачкообразно в урожайные годы. За один урожайный год сотням тысяч крестьянских хозяйств удается «поправиться», увеличив средства производства в таком объеме, который им потом не удастся накопить, быть может, в течение пяти лет. Допустим, мы имеем выше среднего урожай на лен, хлопок, масличные семена и т.д. В результате крестьянское хозяйство может отделить в фонд накопления сумму средств, превышающую средний обычный годовой прирост накопления. Отсюда усиленный запрос, между прочим, и на средства производства, изготавливаемые государственной промышленностью, а также увеличение спроса на ремесленное производство средств производства. Но так как в тяжелой промышленности урожая на машины, металл и т.д. не бывает, то запрос на добавочные средства производства, идущий из крестьянского хозяйства, не будет удовлетворен, если накопление в тяжелой промышленности не обгоняет систематически накопление в других отраслях всего хозяйства, в частности, если оно не обеспечивает существования необходимых товарных запасов. Тогда, в лучшем случае, фонд накопления, предназначавшийся на покупку средств производства в тяжелой промышленности, застывает временно в денежной форме и при развитой системе кредита позволит, на основе перераспределения денежных накоплений страны, усилить кредитование, а тем самым и добавочное производство в соответствующих отраслях тяжелой промышленности. В худшем же случае этот фонд накопления, обменявшись на средства потребления, будет просто съеден в крестьянском хозяйстве, увеличив потребительский бюджет крестьянского подразделения технических культур. Мы не говорим уже о том, что диспропорция будет еще больше в том случае, если тяжелая промышленность уже исчерпала все запасы старого оборудования, и новый добавочный спрос может быть удовлетворен только в результате новых вложений в основной капитал, далеко превышающий сумму товарного дефицита данного года. Переходим теперь ко второму подразделению частного сектора. Если исключить из него частное промышленное производство средств потребления (кустарное и ремесленное производство обуви, одежды, тканей, частную пищевую промышленность)¹⁰, то мы будем иметь здесь дело главным образом с крестьянским производством средств потребления. Воспроизводство постоянного капитала, равное в нашем примере 3300 с, происходит следующим образом. Большую его часть составляют средства производства, получаемые в самом же крестьянском производстве средств потребления. Сюда относятся семена зерновых культур, корм скоту, навозное удобрение, воспроизводство скота, постройки из собственного леса собственными средствами, мелиорации, расчистки из-под леса новых площадей под пашню, поднятие целины и т.д. Вторая часть средств производства получается из обмена предметов потребления данного подразделения на средства производства, покупаемые в первом подразделении частного же сектора хозяйства. Наконец, третья часть средств потребления второго подразделения частного сектора, возмещающая его с, идет на продажу рабочим тяжелой промышленности государственного сектора, взамен чего от тяжелой промышленности получают средства

производства в виде сельскохозяйственных машин, инвентаря, гвоздей, кровельного и иных видов железа, транспортные перевозки и т.д.

Фонд потребления второго подразделения частного сектора в подавляющей своей части производится и потребляется внутри самого подразделения, причем большая его часть совершенно не участвует в так называемой товарной части продукции крестьянского хозяйства. И лишь меньшая его часть участвует во внутреннем обмене с фондом заработной платы второго подразделения госсектора, т.е. с легкой промышленностью государства. Иными словами: если принять фонд зарплаты легкой государственной промышленности за 1000, а ту часть этого фонда, которая состоит из предметов потребления крестьянского и всего частного производства, – за 400, то на эту сумму рабочий легкой промышленности купит из фонда потребления второго подразделения частного сектора то, что ему нужно по составу их расходного бюджета: хлеб, масло и т.д., а крестьянство и ремесленники второго подразделения купят предметы потребления государственного производства.

Но это отнюдь не значит, что здесь должно существовать отношение или чистого, или приблизительного арифметического равенства, которое установлено Марксовым анализом капиталистического воспроизводства при размене c II на $v + \frac{m}{x}$. Уже при анализе обмена между первым подразделением частного сектора с первым подразделением государственного сектора мы установили, что первое подразделение частного сектора, по характеру натурального состава обмениваемых товаров, должно получать от тяжелой промышленности больше, чем тяжелая промышленность может купить у этого подразделения. А это значит, что первое подразделение частного сектора должно где-то в другом месте продать свои средства производства в размере сальдо и закупить на вырученные деньги средства производства от тяжелой промышленности. Что эта проблема может быть решена при посредстве внешней торговли, совершенно очевидно. Часть льна, пеньки и т.д. идет на экспорт, по импорту тяжелая промышленность получает то, что ей нужно из оборудования, а продавцы льна, пеньки и пр. в червонной валюте покупают нужные им средства производства у советской тяжелой промышленности. Таким образом, диспропорция в натуральном составе обмена между первым подразделением частного сектора и первым подразделением государственного сектора ликвидируется путем привлечения внешнего рынка, который позволяет в самом первом подразделении произвести перегруппировку элементов производства, высвобождая нужные ресурсы для обмена с первым подразделением частного сектора. Еще проще вопрос может быть решен прямо, т.е. импортом из-за границы машин и других средств производства для первого подразделения частного сектора. При невозможности же решить эту проблему в нужных числовых размерах или вследствие недоразвитости собственного машиностроения, производства искусственных удобрений и т.д. или вследствие ограниченности импортного контингента, оставляемого для частного хозяйства, мы будем иметь товарный голод на средства производства тяжелой промышленности, т.е. одну из форм нарушения равновесия между государственным и частным хозяйством вследствие недоразвитости нашей тяжелой промышленности.

Точно так же, если, допустим, крестьянское хозяйство, производившее средства потребления, должно обменять больше своих продуктов на средства потребления промышленного производства, чем это может ему дать тот фонд зарплаты легкой промышленности, о котором мы говорили выше, то решение этой проблемы, вообще говоря, также возможно путем привлечения к делу внешней торговли. Другой вопрос, возможна ли в данных условиях практически эта апелляция к внешнему рынку. В самом деле, допустим, рабочие и служащие легкой промышленности государства покупают средства потребления в частном секторе на 400 млн, а частный сектор подразделения средств потребления нуждается в размене из своего потребительского фонда не в размере 400, а в

размере 600 млн, т.е. его платежеспособный спрос, сопровождаемый продажей, равняется 600 млн, и на эту сумму он предъявляет запрос на продукты легкой государственной промышленности. Конкретно говоря, крестьянство имеет на 200 млн руб. больше продажного хлеба, масла, яиц и т.д., с тем чтобы на эти 200 добавочных млн купить добавочное количество одежды, обуви, сахара и других продуктов потребления фабричного производства. Но допустим, что второе подразделение госсектора, т.е. государственная легкая промышленность, дает только на 400 млн, и больше дать не может. На путях внешней торговли выход и здесь возможен и состоял бы в том, что на 200 млн производится добавочный экспорт продуктов крестьянского производства, а на вырученные деньги ввозятся заграничные предметы потребления фабричного производства для крестьянства. Практически же при недостатке экспортных ресурсов даже для импорта важнейших средств производства этот путь в первые годы реконструктивного процесса оказывается невозможным для Советского государства, потому что, чтобы вовлечь в оборот эти 200 млн добавочных экспортных ресурсов, надо предварительно закупить за границей продукцию легкой промышленности за счет импортного фонда данного года, т.е. за счет сокращения ввоза средств производства, которых и без того не хватает. Вследствие невозможности такой операции и при недостаточном развертывании собственной легкой государственной промышленности в хозяйстве СССР должен обнаружиться затяжной товарный голод и на средства потребления промышленного производства. Вследствие этого часть ликвидных ресурсов из фонда средств потребления крестьянского производства не вовлекается в товарный оборот, и в советской деревне начинается хорошо знакомый нам процесс увеличения внутреннего потребления яиц, масла и т.д., увеличения запасов хлеба, превышающих размеры страхового запаса от неурожая, и ряд сопутствующих этому явлений. *В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который объективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных очень высоких ценах*, не говоря уже о возможности большего роста товарности в результате более быстрого снижения себестоимости и промышленных цен. Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности.

Теоретически возможно решение вопроса и таким образом. Из добавочного фонда экспорта средств потребления, в размере выше указанных 200 млн, на покупку продуктов потребления идет только 100 млн, причем эти продукты продаются внутри страны с использованием разницы внутренних и внешних цен, т.е. на сумму, быть может, равную тем 200 млн. Одновременно другие 100 млн экспортного фонда употребляются на закупку средств производства за границей, вследствие чего одновременно с удовлетворением потребительского спроса крестьянства разрешается частично вопрос и об ускорении развертывания собственной промышленности. Совершенно очевидно, однако, что такое решение вопроса, теоретически вполне возможное, практически же, в настоящих условиях, представляет лишь некоторое смягчение вышеуказанного затруднения, а не его устранение. Ведь и в данном случае надо *авансировать* 100 млн из импортного фонда для закупки средств потребления.

Наше исследование данного вопроса было бы неполным, если бы мы не указали на то, что отмеченная нами диспропорция имеет одну свою положительную сторону. Эта положительная сторона заключается в том, что скопление в деревне нерализуемых излишков средств потребления позволяет держать цену на сельскохозяйственные продукты на определенном устойчиво низком уровне. То, что кажется здесь полностью и целиком продуктом планового начала в хозяйственной жизни и доказательством силы этого начала, на самом деле является в гораздо большей степени результатом указанной нами

диспропорции, т.е. явлением, хорошо знакомым всякому товарному хозяйству. То, что мы держим цены более или менее неизменными, это есть продукт планового начала; тот же факт, что мы эти цены держим неизменными, на *низком уровне*, это есть в огромной степени результат закупки развития сельского хозяйства в сфере производства средств потребления, закупки, вызванной недоразвитостью нашей промышленности и недостаточным фактическим накоплением в ней.

При анализе внутренних условий равновесия между государственной промышленностью и частным хозяйством мы пока оставили в стороне те изменения, которые вносит в весь процесс наличие фонда непродуцированного потребления. К этому вопросу мы вернемся ниже, при конкретном исследовании воспроизводства в хозяйстве СССР в 1925/26 г., и лишь отчасти в теоретической части. Этот вопрос нельзя рассмотреть без исследования некоторых новых вопросов, которые не относятся непосредственно к рассматриваемой теме.

После всего вышесказанного мы можем сформулировать следующее весьма важное положение, касающееся закона пропорциональности обмена между государственным сектором нашего хозяйства и обоими секторами частного хозяйства.

Если в советской экономике *c II* государственного сектора плюс *c II* частного сектора, минус средства производства, которое само второе подразделение объединенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны *v* плюс непродуцированное потребление первого подразделения госсектора, плюс фонд потребления и фонд непродуцированного потребления первого подразделения объединенного частного сектора (то 1) при дефиците первого подразделения объединенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения объединенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части *v II* г[оссектора], т.е. той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т.е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства; 3) если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения объединенного частного сектора на соответствующую часть *v II* госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает, однако, еще более быстрое развитие тяжелой промышленности; 4) при невозможности решить диспропорцию в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства, и на средства потребления, изготовляемые в государственном хозяйстве.

Во всем нашем анализе мы исходили из деления крестьянского хозяйства на два подразделения по такому же принципу, как это делает Маркс по отношению к капиталистической экономике. Является ли такой метод правильным, если иметь в виду крайнюю недифференцированность крестьянского хозяйства с точки зрения разделения труда в нем между различными отраслями земледелия? Разве одно и то же среднее крестьянское хозяйство с преобладанием зерновых культур не производит одновременно со средствами потребления, как хлеб, масло, мясо, масло и т.д., также и сырье, как шерсть, кожу и т.д.? Разве в хлопковых и льноводческих районах не производится одновременно мясо, масло, яйца, хлеб и т.д.?

Все это так. И тем не менее применяемый нами Марксов метод деления крестьянского производства на первое и второе подразделения остается наиболее целесообразным. Во-первых, не надо забывать, что в оба подразделения Марксова анализа входило

капиталистическое земледелие, которое хотя и является более дифференцированным в смысле специализации культур, но в котором тем не менее производство средств потребления всегда переплетается тесно с производством средств производства. Современное крупное капиталистическое хозяйство в Германии объединяет, например, животноводство и полеводство с производством сахарной свеклы и т.д. А во-вторых, если бы мы начали анализ с другого конца, если бы мы брали крестьянское хозяйство СССР как целое в его отношении к госпромышленности, мы все равно пришли бы к необходимости применить тот же самый метод. В самом деле, мы выясняем, допустим, сколько крестьянское хозяйство может дать всего сырья для нашей промышленности и экспорта, без чего немислимо решить вопрос о пропорциональности развития крестьянского хозяйства и промышленности. Выясняя все сырьевые возможности крестьянского хозяйства, мы неизбежно выделяем тем самым ту часть его продукции, которая составляет продукцию первого подразделения. Выясняя товарные излишки товарного хозяйства по предметам питания, мы опять-таки выделяем из него так называемое второе подразделение. Как при Марксовом анализе – каждое крупное капиталистическое хозяйство в земледелии одной своей частью фигурирует в первом, другой частью своей продукции фигурирует во втором подразделении, так и у нас каждое отдельное крестьянское хозяйство, дающее смешанную продукцию, фигурирует в нашем подсчете то по линии первого подразделения, то по линии второго. Тот факт, что один и тот же плуг, одна и та же лошадь и т.д., фигурирующие одновременно и как средство производства средства производства и как средство производства предметов потребления, усложняют общий анализ воспроизводства, не является достаточным основанием к отказу от Марксова метода исследования, заменить который никаким другим методом исследования не представляется возможным. При детальном анализе воспроизводства в земледелии здесь необходимо лишь добавочное исследование относительно того, в каком проценте эти средства производства фигурируют в первом, какие – во втором подразделении.

Теперь нам остается еще рассмотреть роль непроизводительного потребления в хозяйстве СССР с той стороны, с какой это потребление влияет на условия равновесия между объединенным государственным и объединенным частным хозяйством.

Для лучшего освещения этого вопроса возьмем одну из схем Маркса, относящихся к расширенному капиталистическому воспроизводству. Возьмем, допустим, следующую цифровую схему:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m \ (500 \text{ фонд накопл.} + 500 \text{ фонд потр. капиталистов})$$

$$II \ 1500 \ c + 500 \ v + 500 \ m \ (\frac{500}{x} + \frac{500}{y})$$

В данном случае 1500 *c* II разменивается на 1000 *v* плюс 500 фонда потребления капиталистов *I* подразделения. Предположим теперь, что непроизводительное потребление, при том же размере производства, уменьшается вдвое в первом подразделении. Тогда мы будем иметь в первом подразделении:

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v - 1000 \ m \ (750 \text{ фонд накопл.} + 250 \text{ фонд потр.})$$

В этом случае первое подразделение благодаря росту накопления за счет непроизводительного потребления уменьшает свой обменный фонд со вторым подразделением с 1500 до 1250, тогда как для воспроизводства 2 *c*, если во втором подразделении не произошло никаких изменений, требуется средств производства из первого подразделения на 1500. Если это уменьшение непроизводительного потребления будет даже не абсолютным, а только относительным, т.е. что фонд непроизводительного потребления в первом подразделении или останется без изменений на уровне 500, тогда как фонд накопления будет расти, или же будут расти обе эти величины, но фонд накопления будет расти быстрее фонда непроизводительного потребления, иными словами, если измене-

ние будет не столь резким, как в нашем примере, – то и тогда все равно тенденция останется та же самая. Эта тенденция будет заключаться в растущем дефиците средств производства для второго подразделения. Объяснение этого факта заключается в том, что обменный фонд первого подразделения будет систематически отставать от запроса на средства производства со стороны второго подразделения.

Если же соответствующее сокращение фонда непроизводительного потребления происходит и во втором подразделении, то достаточно нам произвести со вторым подразделением ту же операцию, которую мы сделали с числовым примером первого подразделения, чтобы увидеть, к чему это должно привести. В этом случае добавочный фонд накопления, получающийся из сокращения непроизводительного потребления, распределится между c и v второго подразделения пропорционально органическому составу капитала, и второе подразделение будет требовать средств производства из первого уже не 1500, а значительно больше. Это значит, что диспропорция будет расти с двух концов одновременно: и вследствие относительного сокращения обменного фонда первого подразделения, и вследствие абсолютного и относительного роста c II. Как может быть ликвидирована эта диспропорция в хозяйстве в дальнейшем, это другой вопрос (очевидно, общим перераспределением производительных сил между первым и вторым подразделениями на основе новых пропорций). Но, когда мы берем просто переход к более сниженному непроизводительному потреблению и к более повышенному уровню накопления, это неизбежно меняет пропорции обмена первого подразделения со вторым, увеличивая спрос второго подразделения на средства производства и уменьшая временное их предложение. *В этом случае экономика страны с точки зрения развития производительных сил делается более прогрессивной, растет прибавочный продукт во всем обществе, растет быстрее сумма всей валовой и чистой продукции общества, быстрее растет накопление, но самый переход на новые рельсы, означающий рост удельного веса первого подразделения, должен вызвать временную диспропорцию во всем хозяйстве.* Из этого общетеоретического положения мы должны сделать для экономики СССР следующий важный вывод. Если на всей хозяйственной территории, где государственный сектор сменил частное довоенное капиталистическое производство¹² вследствие уменьшения непроизводительного потребления промышленной буржуазии, увеличивается фонд накопления, это неизбежно должно означать уменьшение обменного фонда первого подразделения государственного сектора, при одновременном увеличении накопления во втором подразделении, и значит, при относительном росте c II и увеличении спроса c II на средства производства. Но так как средства производства второго подразделения госсектора состоят не только из машин, топлива и других средств производства, получаемых из первого подразделения государственного сектора, но также и из огромного количества крестьянского сырья, то действительный переход к системе уменьшенного непроизводительного потребления и к более быстрому накоплению, при достижении довоенного уровня производства во втором подразделении госсектора и при достижении довоенного уровня производства сырья в крестьянском хозяйстве, должен неизбежно вызывать *хронический кризис сырьевого снабжения легкой государственной промышленности.* Таким образом, даже не говоря об изменении строения крестьянского бюджета, связанного с революцией (о чем будет речь ниже), одно уже сокращение непроизводительного потребления в самой промышленности должно иметь своим последствием и более быстрое накопление, и более быстрый рост дефицита на средства производства.

Но государственное хозяйство СССР означает ликвидацию только части непроизводительного потребления, существовавшего при системе буржуазного хозяйства. В самом деле, допустим, из каждых 100 единиц прибавочного продукта довоенной капиталистической промышленности 40 шло в накопление, а из остальных 60-ти 20 потребляли

непроизводительно капиталисты и 40 шло на непроизводительное потребление всей капиталистической системы, т.е. составляло долю участия промышленности в содержании бюрократического аппарата, армии, в уплате процентов по внешним займам, в покрытии непроизводительных расходов торгового аппарата и т.д. Наша государственная промышленность может употребить на добавочное накопление эти 20% прибавочной ценности, но она имеет вместо капиталистической свое советское непроизводительное потребление: остается армия, государственный аппарат, расходы на непроизводительное потребление торгового аппарата и т.д. Более того, если непроизводительные расходы этого типа у нас оказались бы больше, чем при капитализме, то они были бы в состоянии съесть и всю экономию из этих 20% и даже уменьшить фонд накопления в сравнении с довоенным, особенно если бы абсолютно фонд прибавочного продукта в советской промышленности оказался ниже, чем до войны. Как фактически, т.е. в цифровом выражении, обстоит здесь дело, я не говорю в данной связи. Нужно сказать, что одни непроизводительные расходы у нас возросли (торговый аппарат), другие сократились (госбюджет). Нам важно лишь пока установить два факта. Первый факт: если непроизводительно расходуемая прибавочная часть продукта у нас уменьшается или уменьшилась в сравнении с довоенными отношениями, то это должно неизбежно менять пропорции в распределении производительных сил, вызывая более сильный спрос на средства производства. Второй факт: непроизводительное потребление¹³ в нашей экономике в том или ином размере неизбежно продолжает существовать. А это, в свою очередь, означает иные пропорции в распределении производительных сил в сравнении с той схемой, которую можно было бы построить для советской экономики, отвлекаясь от непроизводительного потребления. В самом деле, при наличии в советской системе непроизводительного потребления, из общепотребительского фонда страны выделяется какая-то часть, за счет которой живут непроизводительно занятые слои населения. Чтобы произвести этот фонд непроизводительного потребления, нужно где-то произвести средство производства для этого фонда. А это означает, что обслуживанием непроизводительного потребления должны заниматься в каком-то размере все подразделения всех секторов хозяйства. Однако это отнюдь не означает, что распределение тяжести непроизводительного потребления между отдельными секторами хозяйства и между отдельными подразделениями этих секторов должно быть пропорционально тем изменениям в уравнениях обмена между отдельными подразделениями, которые вызываются самим фактом существования этого непроизводительного потребления.

Конкретно здесь дело обстоит по отдельным подразделениям следующим образом. Фонд непроизводительного потребления первого подразделения государственного сектора в натуральной форме состоит из средств производства. Из этого фонда в непроизводительное потребление в форме самих же средств производства пойдет все то, что будет употреблено на военную промышленность: оборудование оружейных заводов, металл для выработки средств обороны, топливо, сжигаемое при этом производстве, и т.д. Другая же часть фонда непроизводительного потребления первого подразделения должна поступить в размен с обоими вторыми подразделениями государственного и частного секторов. Так же, приблизительно, обстоит дело и с фондом непроизводительного потребления первого подразделения частного сектора, с той только разницей, что роль военной промышленности в поглощении этих средств производства данного подразделения, за исключением разве лошадей для кавалерии и пр., очень не велика. Что касается подразделений производства средств потребления, то их фонд непроизводительного потребления поступает в натуральной форме в потребительский бюджет тех групп населения, которые не заняты производительным трудом. Совершенно очевидно, что в ценностном отношении весь фонд индивидуального непроизводительного потребления будет меньше той доли, в которой вторые подразделения обоих секторов будут участвовать в

общем бремени непроизводительного потребления, ибо часть этого непроизводительного потребления будет покрыта первыми подразделениями в форме снабжения вторых подразделений своими средствами производства минус средства производства, уходящие на военную промышленность. А это значит, что наличие непроизводительного потребления в советском обществе, с одной стороны, уменьшает накопление и темп роста валовой и чистой продукции общества, но, с другой стороны, это непроизводительное потребление, правда чисто отрицательными методами, уменьшает ту диспропорцию между первыми и вторыми подразделениями обоих секторов, о которой мы говорили выше и которая сводится к дефициту на средства производства. В частности, что касается размена части фонда потребления второго подразделения частного сектора с определенной частью фонда заработной платы рабочих второго подразделения государственного сектора, то относительное сокращение роста в *II* госсектора уменьшает обменный фонд с этим подразделением, а сокращение накопления во втором подразделении частного сектора уменьшает спрос на добавочные средства потребления второго подразделения государственного сектора и спрос на средства производства первого подразделения госсектора.

Наоборот, когда непроизводительное потребление сокращается, растут и валовой, и чистый доход общества и накопление, а вместе с тем растет также и товарный голод на средства производства. Однако, как уже мы сказали выше, в дальнейшем это развитие всего хозяйства на более широкой базе создает в самой экономике средство преодоления диспропорции, в частности на основе экспорта и импорта.

Чтобы покончить с вопросом о непроизводительном потреблении, нам остается еще остановиться на одном очень важном методологическом вопросе, практическое значение которого нам более отчетливо будет видно ниже.

Как правильно устанавливать размеры непроизводительного потребления в СССР и влияние этого потребления на весь процесс производства?

Здесь могут быть два метода. Во-первых, метод, применяемый Марксом при анализе капиталистического воспроизводства во втором томе «Капитала», когда под *v* Маркс подразумевает ту часть авансированного капитала, которая *реально* расходуется рабочим классом как доход. Тем самым Маркс относит все налоги на заработную плату к прибавочной ценности. Выгоды такого методологического приема заключаются в том, что все *v* участвует тогда в размене полностью, не осложненное той частью его, которая, хотя и представляет *формально* заработную плату, по существу же оплачивает часть непроизводительного потребления буржуазного общества. При детальном исследовании экономики какой-либо конкретной страны это требует лишь дополнительного изучения размена внутри фонда непроизводительного потребления, что необходимо, в частности, для учета роли военной промышленности в этом потреблении, так и в непроизводительной части расхода торгового аппарата. Это будет требовать также дополнительного исследования денежных накоплений рабочего класса. По отношению к мелкобуржуазному сектору метод означает необходимость учета *только реального фонда потребления занятых в производстве самостоятельных производителей*, а все их реальное накопление в хозяйстве плюс непроизводительное потребление данной системы общества в той части, в какой оно ложится на данный сектор, нужно отнести к прибавочному продукту. Это нисколько не мешает провести анализ размена реальных величин средств производства первых подразделений, которые, в обмен на средства потребления, идут на возмещение постоянного капитала вторых подразделений. Трудность заключается здесь, вообще говоря, в том, что нельзя никогда в точности выяснить, что нужно подразумевать под необходимым потреблением класса мелких производителей, так как фонд потребления мелких производителей, как мы уже указывали на это выше, не регулируется законом ценности даже при конкретном капитализме, а у нас, кроме того, он регулируется в

известной мере также законом первоначального социалистического накопления. Кроме того, здесь необходимо помнить о том, что понятие производительного труда меняется по сравнению со значением этого термина у Маркса¹⁴.

Второй метод состоял бы в одновременном выведении двух балансов: баланса по производству и баланса по потреблению. Этот второй метод не исключает первый, но он должен, по нашему мнению, следовать за первым, потому что начинать сразу с двойного баланса значило бы начинать не с более простого общего, а со сложного конкретного, не говоря уже о том, что этот двойной баланс, без предварительного общего, может скрывать просто *неумение* вывести единый общий баланс¹⁵.

Кроме того, необходимо здесь же подчеркнуть большую практическую трудность выделения из расходов торгового обмена той их части, которая оплачивает производительный труд, от той, которая оплачивает непроизводительное потребление аппарата. Торговые накладки в уплату транспортных расходов легко учесть и отнести в производственный баланс транспорта как одной из отраслей *производства*. Точно так же все налоги на торговлю за вычетом того, что возвращается в производство через госбюджет, надо отнести в фонд непроизводительного потребления. Наоборот, гораздо труднее отделить производительный труд, употребляемый на продвижение товара до места его индивидуального потребления, и расходы на хранение и т.д. от ряда других расходов, связанных не с этим материальным трудом, а с тратами общества на данную систему распределения, включая сюда в первую голову непроизводительное потребление агентов частного торгового капитала, бесполезных агентов государственно-кооперативной сети, а также все педагогические расходы за прохождение науки «культуро-торговать».

Очень важным методологическим вопросом является также общий вопрос о том, на основе каких индексов должна вестись вся калькуляция общественного производства и потребления. Совершенно очевидно, что нам придется употреблять двойную систему учета: учет по довоенным ценам, представляющий форму натурального учета, и учет в реальных оптовых и розничных ценах в червонном рубле, представляющий форму ценностного измерения.

На этом мы кончаем пока с общим исследованием условий равновесия между государственным и частными секторами хозяйства. Мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как влияют на условия равновесия, в частности на темп расширенного воспроизводства в госсекторе, количественные изменения в распределении тяжести непроизводительного потребления общества между сектором обобществленного хозяйства и всем частным хозяйством.

Пятое условие равновесия

Пятым условием равновесия всей хозяйственной системы СССР является систематический рост заработной платы. Мы говорим здесь не о естественном росте всего фонда в госсекторе вследствие роста количества занятых в работе, а о росте этого фонда одновременно также вследствие роста средней заработной платы отдельного рабочего. Социальная структура нашего государственного хозяйства такова, что при систематическом повышении уровня производительных сил в нем цена рабочей силы должна систематически отходить от ценности рабочей силы, а тем самым должно постепенно ликвидироваться само понятие рабочей силы как товара. Рост заработной платы неизбежен также вследствие самого факта индустриализации страны, потому что изменение технической базы всего государственного хозяйства, рост рационализации труда в нем и т.д. неизбежно требуют роста квалификации работников. Коллективный характер собственности на средства производства в государственном хозяйстве неизбежно

требует повышения культурного уровня пролетариата, требует создания элементов новой социалистической культуры. При отставании роста социалистической культуры от развития производительных сил коллективного сектора хозяйства отставание само может превратиться в тормоз дальнейшего развития производительных сил. Каждая система общественного производства, по мере своего развития, вырабатывает свойственную ее структуре дисциплину труда, свойственные ей стимулы к труду, адекватный ей средний тип работника. Социалистическая промышленность также должна вырабатывать свой тип работника, свои стимулы к труду. Этот тип может сложиться лишь при достаточно высоком общем материальном уровне жизни рабочего класса, уровне, значительно более высоком в сравнении с тем, что способен обеспечить рабочим капитализм в условиях той же техники¹⁶.

Огромные непроизводительные расходы государственного и кооперативного торгово-промышленного аппарата, еще не выработавшего даже зачатков методов работы, свойственных коллективному способу производства, связаны не только с общим низким уровнем развития производительных сил в государственном секторе, но и с зачаточным уровнем социалистической культуры самого рабочего класса. Культура всех органов общества равняется всегда по господствующему классу. Поднять культуру советского общества значит прежде всего и больше всего поднять культуру рабочего класса. Непрерывный подъем материального уровня жизни пролетариата необходим не только по социальным, но и по экономическим причинам.

Кроме того, не следует забывать еще и того, установленного выше, факта, что, при невозможности для страны широкого импорта средств потребления фабричного производства для крестьянства, производящего средства потребления, увеличение внутреннего обмена средствами потребления между легкой государственной промышленностью и вторым подразделением мелкобуржуазного хозяйства ограничивается для последнего рамками той части *v II* госсектора, которая идет на покупку крестьянских и вообще частного производства средств потребления. Если даже учесть возможное увеличение этого размена в результате время от времени производимого добавочного импорта средств потребления заграничного производства, основным фондом обмена все же служит упомянутая нами часть *v II* госсектора. Это значит, что при данных ценах увеличение фонда заработной платы рабочих легкой промышленности (а это увеличение может быть как от увеличения количества рабочих, так и от увеличения среднего уровня заработной платы рабочих легкой промышленности) должно предшествовать увеличению покрываемого крестьянского спроса на предметы потребления, производимые в легкой государственной промышленности. Ведущая роль госпромышленности выступает и на этом участке хозяйственного поля. Наряду с общим снижением цен рост заработной платы обнаруживается здесь в качестве фактора, который способствует уменьшению диспропорции обмена между сельским хозяйством и промышленностью, причем мы имеем здесь уменьшение диспропорции не в отрицательной, а в социально и экономически положительной форме.

Шестое условие равновесия

Шестым условием динамического равновесия в экономике СССР является систематическое снижение цен на продукцию государственного хозяйства. Равновесие этого типа является одновременно и экономическим, и социальным.

Остановимся сначала на экономической стороне этого равновесия.

Выше мы уже указывали на то, что одним из так называемых «узких мест» для развития государственной легкой промышленности является отчасти теперь, и еще больше явится в дальнейшем, отставание крестьянского производства технических культур

от сырьевых запросов промышленности. Но увеличение производства технических культур требует прежде всего увеличения накопления в этой отрасли хозяйства. Для увеличения же накопления, при том же уровне индивидуального потребления в этом подразделении, необходимо: 1) сокращение непроизводительного потребления вообще, следовательно, и в той части его, которая ложится на данное подразделение; 2) увеличение цен на продукцию технических культур; 3) уменьшение цен на предметы потребления; 4) уменьшение цен на те средства производства, которые первое подразделение крестьянского хозяйства получает из первого подразделения государственного сектора; 5) сокращение индивидуального потребления в самом первом подразделении крестьянского хозяйства; 6) увеличение труда при данных средствах производства. Часть этих возможностей является чисто теоретической. Сокращение индивидуального потребления в рассматриваемом подразделении невозможно или почти невозможно, так как оно и так стоит на достаточно низком уровне. Уменьшение цен на средства потребления крестьянского производства в целом также невозможно, потому что соотнositельно с ценами на промышленные изделия они стоят гораздо ниже довоенных цен, которые также были достаточно низки. Дело может идти только о приближении продажных цен на хлеб в районах технических культур к заготовительным ценам производящих хлеб районов, т.е., в сущности, об уменьшении непроизводительного потребления торговой сети, об удешевлении транспорта и об улучшении транспортных средств, прежде всего шоссейных и проселочных дорог. Невозможно также систематическое повышение цен на технические культуры, кроме исправления тех или иных явно неправильных калькуляций заготовляющих органов, потому что такое увеличение цен было бы фактором увеличения цен и на продукцию легкой государственной промышленности. Остается, следовательно, повышение интенсивности¹⁷ и производительности труда и урожайности почвы в крестьянском производстве технических культур, сокращение непроизводительного потребления во всей политико-экономической системе СССР, удешевление средств производства, изготавливаемых в первом подразделении госсектора, и удешевление средств потребления, изготавливаемых в легкой государственной промышленности. В последнем случае дело должно идти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости благодаря переоборудованию технической базы и вследствие рационализации производства. В этом пункте интересы государственной промышленности совпадают с интересами крестьянского производства сырья, здесь снижение промышленных цен является стимулом расширенного воспроизводства в первом подразделении крестьянского хозяйства. А на базе увеличения накопления в этом подразделении крестьянского хозяйства легче будет достигнуть решающих успехов в деле улучшения обработки земли, в подъеме животноводства и в росте вообще производительности труда, что увеличит общую сумму годового производства технических культур¹⁸.

Что касается крестьянского производства средств потребления, то здесь положение несколько иное вот в каком отношении. Внутренний рынок СССР не поглощает всех предметов потребления крестьянского хозяйства, их экспорт совершенно необходим для поддержания общего равновесия во всей системе. Но получаемый от этого экспорта импортный фонд государства, по условиям воспроизводства в государственной промышленности, о которых была речь выше, не может быть обращен в скольконибудь значительном размере на ввоз сельскохозяйственных средств потребления и лишь отчасти может быть использован на ввоз сельскохозяйственных средств производства. Это противоречие, при невыгодных коэффициентах обмена крестьянской продукции на продукцию госпромышленности и при чисто материальном недостатке этой последней, действует задерживающим образом на весь процесс расширенного производ-

ства крестьянских средств потребления, уменьшает хозяйственную эффективность накопления и покупательную способность той части потребительского фонда, которая идет в размен с упомянутой выше частью v легкой промышленности. Все это задерживает развитие товарности крестьянского производства средств потребления, усиливает непроизводительное потребление самих крестьянских масс и задерживает рост экспортного фонда. Между тем даже в условиях достижения довоенного уровня производства сельского хозяйства и при приближении размеров обмена сельскохозяйственной продукции средств потребления к таковым в довоенной России уменьшение непроизводительного потребления буржуазии, ликвидация дворянского землевладения и ликвидация внешних долгов создают предпосылку очень значительного роста прибавочного продукта сельского хозяйства, способного поступить в фонд расширенного производства. Выход из частичного тупика и диспропорции заключается и здесь в более быстром переоборудовании промышленности, в уменьшении себестоимости производства, в систематическом снижении цен и, наконец, в повышении производительности труда в самом крестьянском хозяйстве. Крестьянское подразделение средств потребления за каждые 100 единиц своей продукции, идущей на размен с частью v I госсектора и возмещающей средства производства этого подразделения, получит больше этих средств производства в их натуральном выражении. С другой стороны, и каждые 100 единиц потребительского фонда позволят получить больше средств потребления при обмене на часть v II госсектора.

Но систематическое снижение промышленных цен важно не только с точки зрения поддержания экономического, но и *социального равновесия всей советской системы*. Резкий разрыв между внутренними промышленными ценами и ценами мирового рынка, т.е. режим далеко идущего неэквивалентного обмена, является режимом исключительным и по самой сути дела временным. Он соответствует детскому периоду развития государственного хозяйства в отсталой крестьянской стране. Его историческое назначение состоит в том, чтобы дать госпромышленности необходимые экономические ресурсы для смены ее технического базиса, дать ей возможность накапливать не на основе старой изношенной, а на основе современной усовершенствованной техники. Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивает коллективное производство над капиталистическим. В этот период крестьянское хозяйство, однако, тоже должно развиваться. Ему не важно, какую стадию своего развития проходит социалистическое воспроизводство; ему нужен более дешевый промышленный товар, в необходимом количестве и соответствующего качества. Это экономическое противоречие переходит в социальное, в рост крестьянского недовольства монополией внешней торговли, в стремление ликвидировать принудительное прикрепление крестьянского рынка к советской промышленности, стремление пробиться к ценностным отношениям мирового рынка, без уплаты многомиллиардного налога в фонд первоначального социалистического накопления. Вот это-то социальное противоречие представляет из себя кнут, подстегивающий государственное хозяйство к приближению внутренних промышленных цен государственного хозяйства к ценам мирового рынка. Быстрые успехи на этом пути, сопровождаемые ростом государственного кредита, организующего хозяйство середняков и особенно бедноты и дающего им добавочные средства производства, будут ослаблять это социальное противоречие. Задержка на этом пути будет его увеличивать, угрожая поставить на дыбы против социалистического сектора прежде всего наиболее развитые в капиталистическом отношении элементы крестьянской экономики и соответствующие группы крестьянского населения, как наиболее стесненные в своем развитии по буржуазному пути процессом расширенного социалистического воспроизводства¹⁹.

Седьмое условие равновесия

Наконец, седьмым условием равновесия советской системы является постепенное поглощение развертывающимся государственным хозяйством и интенсифицирующимся земледелием избыточного населения страны, поглощение как явной, так и скрытой безработицы, унаследованной советской системой в основном от аграрных отношений старого режима. В этом пункте положение является наиболее тяжелым, наиболее противоречивым. Улучшение техники государственного хозяйства и рационализация труда, как естественные предпосылки снижения себестоимости и отпускных цен, означают, по сути дела, уменьшение затрат рабочей силы на единицу продукта. Эти затраты даже в наиболее хорошо оборудованных советских предприятиях значительно выше, чем в передовой европейской промышленности, не говоря уже об Америке. Весь процесс рационализации труда только в том случае не приведет к застою в деле расширения кадров занятой в госпромышленности рабочей силы, если будет перекрываться достаточно быстрым абсолютным расширением промышленного базиса страны. А это быстрое расширение предполагает значительно более быстрое накопление промышленности, чем это мы имеем теперь (в 1927 г.). Тот факт, что советское хозяйство развертывается теперь в ширь не на уровне передовой капиталистической техники, а лишь догоняя этот уровень, неизбежно должен иметь своим результатом относительное ослабление темпа роста рабочей силы, относительно замедление темпа поглощения армии безработных. В истории советского хозяйства до некоторой степени аналогичный процесс наблюдался при переходе на нэп, когда более рациональное использование рабочей силы и средств производства в 1921/22 г., наряду с резким подъемом общего уровня продукции в сравнении с 1920 г., привело к сокращению рабочей силы на государственных предприятиях сравнительно с последним годом военного коммунизма. Согласно пятилетнему плану развития хозяйства СССР, выработанному Госпланом, в 1930/31 хозяйственном году, т.е. в конце пятилетки, общая продукция государственной промышленности должна возрасти на 70,4%, тогда как количество занятой рабочей силы увеличится за это время только на 27,9%, или на 2 млн 53 тыс. человек²⁰. Что касается размеров безработицы, связанной с отходом из деревни в город и увеличением рабочей силы в самом городе, то возможный размер ее определяется пятилетним планом в 1926/27 г. 1 млн 189 тыс. человек, с постепенным, медленным, почти незаметным уменьшением до 1 млн 146 тыс. в конце пятилетки. Между тем в 1927 г., в первую половину, безработица уже на несколько сот тысяч превысила намеченную Госпланом цифру. А это доказывает, что вообще сами по себе весьма пессимистические расчеты Госплана оказываются на деле слишком оптимистическими. И с точки зрения соотношения рабочих сил, занятых в обобщественном секторе, в сравнении с капиталистическим и мелкобуржуазным [секторами] успехи ожидаются весьма небольшие: удельный вес обобщественного сектора повышается всего с 11,2% до 12,6%, т.е. всего на 1,4%. Еще более тяжелым оказывается положение с аграрным перенаселением, цифру которого работа Госплана определяет в 6,8 млн человек²¹. Эта цифра, по расчетам Госплана, в лучшем случае не уменьшится. Больше же данных за то, что она увеличится, а тем самым повысит значительно и цифру городской безработицы.

С другой стороны, интенсификация земледелия, возможности которой прямо пропорциональны отсталости нашего сельского хозяйства в сравнении с заграничным крестьянским хозяйством, будет означать, с одной стороны, поглощение новых рабочих сил земледелием, а с другой стороны, повышение производительности труда в сельском хозяйстве, т.е. относительное сокращение затраты рабочей силы на единицу вырабатываемого продукта. Но интенсификация в земледелии требует увеличения накопления в зем-

леделии. А в то же время, если бы это накопление происходило за счет той части фонда прибавочного продукта, которую деревня дает городу на дело социалистической реконструкции, это привело бы к замедлению темпа расширенного воспроизводства в госпромышленности, т.е. как раз на таком участке, который является решающим в смысле преодоления в будущем всех основных противоречий переходного периода.

Нам достаточно было только наметить в самых общих чертах основы динамического равновесия хозяйственной системы СССР, чтобы видеть всю сумму экономических и социальных противоречий, которые неизбежно обнажают наше развитие к социализму в условиях нашей изолированности.

Накопление на базе неэквивалентного обмена – и необходимость ликвидации этой неэквивалентности, с несовпадением во времени этих процессов.

Накопление за счет прибавочного продукта рабочих – и неизбежность систематического роста заработной платы.

Необходимость, в интересах сокращения «мук родов индустриализации», максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличение внешних кредитов – и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира.

Накопление за счет производящего промышленное сырье крестьянства наряду со всем крестьянством вообще – и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья.

Накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления – и необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен.

Экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства – и социальная необходимость материальной поддержки наименее товарной его части – хозяйства бедняцких и маломощных групп деревни.

Необходимость снижения цен на базе рационализации производства – и борьба с растущей безработицей.

Вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только по политическим, но и по экономическим причинам, и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран.

Мы закончим наш общий очерк условий равновесия в хозяйстве СССР. Этот очерк является далеко не полным, даже в чисто теоретической части. Он несомненно должен иметь и ряд недостатков, как всякий первый опыт такого рода. Но уже на основании всего изложенного мы имеем возможность подойти к изучению конкретных цифр нашей экономики за отдельные годы. В дальнейшем наша задача будет состоять в том, чтобы на основе набросанной здесь алгебраической схемы воспроизводства в СССР построить конкретные арифметические схемы воспроизводства на основании цифровых материалов, которые дает наша статистика, и прежде всего контрольные цифры Госплана. Центр тяжести этого конкретного исследования мы переносим на 1925/26 и на 1926/27 хозяйственные годы, как наиболее характерные годы для конца восстановительного периода и начала так называемого реконструктивного процесса. При этом конкретном исследовании нам придется затронуть и некоторые теоретические вопросы, которые, в интересах сокращения чисто методологической части исследования, мы предпочитаем лучше осветить на цифровом материале живой советской экономики сегодняшнего дня.